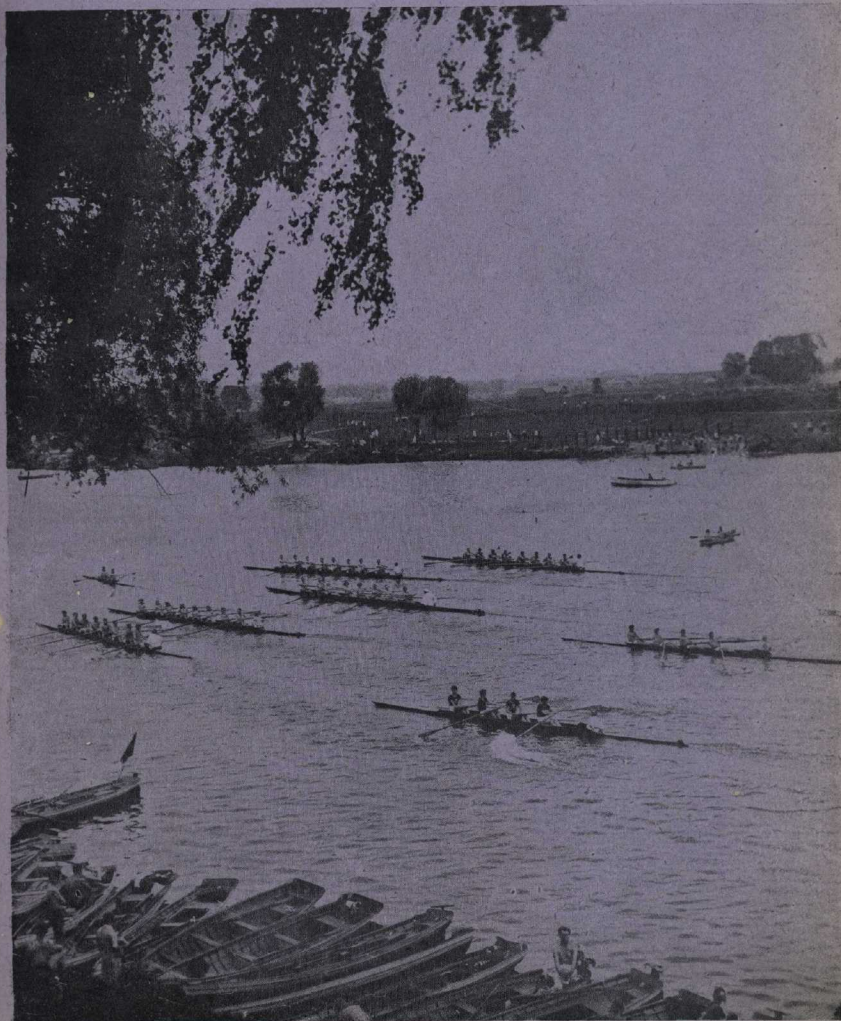

С М Е Н А

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ КОМСОМОЛЬСКИЙ ЖУРНАЛ

ШАХМАТЫ

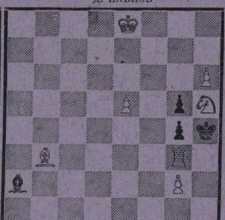
Под редакцией С. М. Слонима

Задача № 24
А. ГРАБОВСКИЙ

Мат в 2 хода

Задача № 25
Д. ПАВЛОВ

Мат в 3 хода

О ПРЕМИЯХ В ТУРНИРЕ ПО ПЕРЕПИСКЕ

Редакция «Иванка» для каждой группы 3 права: 1. Годовой подписки на шахматный журнал «Шахматы». «Шахматный диктент» на № 64 — по выбору. 2. Подарочная подписка на один из шахматных журналов (по выбору читателя). 3. Турнирный сборник (последнее издание). Запись продолжается до 1 сент. Подарочные расценки см. в № № 1 и 13 «СМЕННЫ».

ПАРТИЯ № 10

Отказ, ферьерный гамбит

Рети Шиндлер
(Белые) (Черные)

1. d3—d4 c7—c6
2. c3—c4 e7—e5
3. Kf1—c3 d7—d5

Дебют носит название отк. фер. гамбита, т. е. черные не принимают предложение и им жертвы пешки с4. Черный жертву пешку с4, т. е. пешка все равно отыгрывается при лучшем для белых положении.

4. Cc1—b5 Kf8—d7
5. e3—e4 c7—c6
6. a2—a3 Cf8—e7
7. Kf1—f3 0—0

По сих пор положение, часто встречающееся в матче Алегри—Капабланка.

ИНСТРУКТОРСКИЙ ОТДЕЛ

НАН ПРОВОДЯТ ШАХМАТНЫЕ ТУРНИРЫ (ответ читателю Виткину)

Турнир в масштабе кружка проводится в следующем порядке. Объявляется запись на турнир с указанием срока, до которого можно записаться, и план, у которого запись производится. Можно просто вывесить чистый лист бумаги, на нем желательнее записать свои фамилии. Затем созывается общее собрание участников, на нем сообщается обобщенная программа турнира. Участники пишут жредей и затем по таблице Вергера (таблица имеется в «Справочнике шахматиста») определяют очередность игры. Таблица эта так составлена, что дает точные указания, кто с кем играет и в какой день. Затем необходимо выбрать жюри турнира, которое будет разрешать все спорные вопросы. Для большего авторитета жюри необходимо выбрать в его состав наиболее квалифицированных шахматистов. Необходимо, чтобы все партии турнира начинались в одно и то же время во все дни турнира. По окончании партии выигравший получает запись партии документам члену жюри, который и заносит результаты ее на таблицу. Партии должны обязательно за-

писываться обоими участниками. Назначается определенное время для игры и обсуждения, лучше всего 40 ходов на 2½ часа, т. е. пять часов игры для обеих партий — предположим, с 6 до 11 часов вечера. Конечно, идеальная игра в турнире требует специальных турнирных контрольных часов. Там, где их нет, нужно контролировать время последнего хода. Если партии не будет окончена в течение пяти часов, она отменяется. Для окончания неоконченных партий выделяются особые дни, например 1 день для игры и обсуждения, 2 день для игры. Перед последним туром все председатели партии должны быть обязательно ознакомлены. Выигравшая партия считается за одно очко, ничья — за пол-очка, проигравшая — за 0. Результаты отсчитываются по сумме очков, и набравший наибольшее количество очков считается победителем турнира. Турнир может проводиться различными путями, например определить чемпионов кружка квалификационным чемпионатом, разбить их на категории. Если же необходимо, конечно, оговаривать до начала турнира

ШАХМАТНЫЕ НОВОСТИ

♦ Вторые в истории шахматного искусства мы имеем женщину-мастера Веру Мещин, уроженку России, носящую, кроме того, и звание чемпионки мира. Номинально в международном турнире мастеров в Скабрее (Англия), с участием таких мастеров, как Колдер, Яге и др. Вера Мещин набрала 50% очков, подтвердив таким образом, свое звание мастера. ♦ Мы являем, с нашим упорством отказывая Капабланку от участия в международных турнирах, когда до сих пор звание чемпиона мира. Теперь же Капабланка нужно доказать свое право первого претендента на матч с Алехиным, и мы видим его довольно счастливый участник международного турнира в Кингстоне, начинающего с 2 августа месяце. ♦ Первый приз в международном турнире в Тренчине-Теннесси завоёвал Костич, опередив таких мастеров, как Рети, Шиндлер, Грюнфельд, Землин, Костич — очень

сильный шахматист, известный еще и своим шахматным кружком и путешествием. Во время своего путешествия он посетил почти во многих городах СССР, привал без особых успехов.

РЕШЕНИЯ ЗАДАЧ, ПОМЕЩЕННЫХ В № 10 «СМЕННЫ»

Задача № 17. В. Оичиняков. 1. d1—d4.

Задача № 18. В. Гайкович. 1. f6—h6.

Правильные решения прислали:

оных задач: Д. Вайнштейн (Минск), З. Гельфин (Вильнюс), Н. Шальман (С. Вильнюс), Л. Кауцис (Литва), В. Остужов (Литва), О. Р. Л. Назаровский (Варшава), Р. Немечин (Саратов), К. Горлов (Москва), В. Тисов (Каунас), Л. Струтинский (Литва), К. Гельфин (Вильнюс). Задача № 18: А. Вайнштейн (Томск), Р. Иванкин (Уфа).

ШАШКИ

Под редакцией В. В. Медкова

Конкурс решений задач и этюдов

Задача № 9
Н. И. СОЛЮНОВ (Москва)
Печатается впервые

Этюд № 9
И. С. ГУБАНОВ (Киев)
Печатается впервые

Белые: D, h4, f6, h2, e1, e5, f4, g7. Черные: f2, g2, h8. Взаим и чья ход и выиграет 3 простых черных.

ПАРТИЯ № 7 ГОРОДСКАЯ

Игра по переписке с 24 января по 18 апреля с. г.

В. ВИНЮГОВ (Свердловск) З. ВАРС (Житомир) (Белые) (Черные)

1. c2—d4 f5—e6
2. g3—f4 d6—e5
3. e4—e5 f6—g6
4. e1—e2 f5—h4
5. h4—d6 f6—e5
7. f2—g3

Белые, желая выбрать самостоятельное продолжение, делают проигрышный ход. Следующий ход: f4—e5.

7. a1—g2 h4—f6
8. g1—f2 g5—h4
10. a3—e5 h6—g7
11. f4—h6 f6—g7
12. h6—f6 g7—e7
15. h8—d6

Белые сдались. Далее у белых могло быть продолжение: 14. e3—f4, h6—d5, 15. f4—g5, h4—f6, 16. g5—f4, e1—g2, 17. h2—f4 с атакой левых слонов черных. Но здесь черные все же выигрывают: 17... a7—b6, 18. f4—g5, 19. b2—c3, d4—b2, 20. a1—e5, 16—c5, 21. g5—h6, e5—f4, 22. h4—d5, f4—g3, 23. g3—f4, 24. f6—c7, 25—f2, 25. e7—h1, e1—a5, 26. d5—f6, a5—d8 и черные должны выиграть.

ХРОНИКА И ШАХСЕКЦИИ МГОСФ

На одном из последних заседаний губернской шахм.-шаш. секции была выдана ГУБЕРНСКАЯ ШАШЕЧНАЯ

Белые: D, f4; пр. a5, e5, g3, g5, h6. Черные: D, f8, h2, e7, d6, e8. Взаим и чья ход и выиграет.

КОМИССИЯ в составе: Д. Гинзбург, Л. Потапов, Л. Геллер, А. Берка, В. Казарина и представителей «Динамо» и «Партизан».

ЛЕНИНГРАД. Сейчас происходит интереснейшие командные состязания. Команды по 30 и 40 человек, дают 100% победы. Вполне большое количество шахматистов, и состязания проходят при большом внимании окружающих и самих участников.

РЕШЕНИЯ «СМЕНА» № 8 за 1928 г.

ЗАДАЧА № 13. П. ШУМИЛИН (Вел. D, h8, e7, f8, пр. e1. Черн. D, a1; пр. a3, a5, a7, d8. 3. Заверит дамку и 3 хода). 1. e7—e8, e7—h6, D—A, c3—e7, 3. a7—e8, 4. e8—c5, d8—h4, 5. h4—g3 и 7. c5—g1, A. 1... a5—b4, d8—b6 и 6. f8—c5. Задача на «большое значение», поданная для начинающих (Н. М.).

ЭТЮД № 3. П. ДЮММЬЛЬ

(Вел. D, пр. e7, a5, b6, f6, h4. Черн. D, f2; пр. b6, d8, b6. Выиграет). 1. h4—g3, 2. f6—e7, 3. d6—e7, f6—d8 (если 3... h6—d8, то 4. e7—g3 и выигрывает). 4. e7—e1 и выигрывает. Интересный и своеобразный этюд (Н. М.).

ОТВЕТЫ ЧИТАТЕЛЯМ

МНОГОМ. На время конкурса редакцией не помещалась фамилия тов. ушей, приславших правильные решения задач и этюдов. Фамилия будет опубликована по окончании конкурса.

ИСПРАВЛЕНИЕ

В № 12 «Смены» в этюде № 7, Н. В. Тимковской, на диаграмме на поле f3 вместо черной должна стоять белая дамка.

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
НОМСОМОЛЬСКИЙ ЖУРНАЛ

СМЕНА

ЦЕНТРАЛЬНОГО
И МОСКОВСКОГО
НОМИТЕТОВ ВЛКСМ

РОМАНЫ, ПОВЕСТИ, РАССКАЗЫ.—ПУТЕШЕСТВИЯ И ПРИНЮЧЕНИЯ.—ЖИЗНЬ И БЫТ МОЛОДЕЖИ.—НАУКА И ТЕХНИКА.—
КИНО И ТЕАТР.—ФИЗКУЛЬТУРА.—ШАХМАТЫ, ШАШКИ, ЗАДАЧИ

Редакция и контора: Москва, Новая пл., 6/8, тел. 1-81-01.

Подписная плата: 1 год—1 р. 80 к.; 6 мес.—95 к.; 3 мес.—50 к.; 1 мес.—15 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“

№ 14

★ ★ ★

И Ю Л Ь

★ ★ ★

1928

ПАРАГОЛУБЕЙ

Очерк ЛЕОНИДА КОЛЕСНИКОВА

По отливающему коричневым глянец дощелесу, которым был выставлен просторный квадрат комнаты, бежали розовые зайчики. Портреты вождей красовались в увешенных, выкрашенных под бронзу рамках, письменный прибор на столе, казалось, нельзя было сдвинуть с места — такой массивной выглядела эта груда камня в разноцветных прожилках. В глубоком диванном кресле удобно усеялся широколицый с до синя выворотными щеками и подбородком, плечистый, но с серыми мешками век, в стандартной серой сорочке, в тесноватом чуть лидажке — сам красный директор фабрики «Солидарность» Трудищиса, Максим Максимович Рагозин.

Сейчас он преувеличенно дружелюбно улыбался смуглому, востроносому парнишке в холявиновой прозодежде, сидящему напротив в таком же диване и в глубоком кресле. — Нет, ты сам, Ванюша, посуди, — недоумевая бисла Рагозин, — ежели спец — и подложку, что поучится? Спец, можно связать, то самое необходимое наследие старого мира, без которого мы голоштанниками — окажемся, и потом вдруг такие заметки... Надо не отпугивать, не застрашивать, а привлекать...

С каждым словом голоса его становился все менее вкрадчивым и все более наставительным. Максим Максимович даже приподнялся в кресле — вот-вот начнет жестко излагать, как заправский докладчик по вопросу «о вреде спецедедства». Но парнишка был, повидимому, увлечен мраморным пресс-папье, которое осторожно и бережно держал в руке: он вглядывался в четкие прожилки так, словно это были поджаренные расшпоровые пышныя какого-либо таинственного алфавита.

Максим Максимович продолжал говорить. Он напоминал о постановлении парт-

сездов, которые подробно разъяснили необходимую в отношении специалистов тактику, очень популярно изложил организационные начала взаимоотношений между ВКП и ВЛКСМ — комсомольцы должны учиться, слушать старших, а не забияками быть, — и, наконец, истощив свое красноречие, закурил папиросу.

пьянствует в ихней лавочке — это тоже надо терпеть, чтобы не было спецедедства?

Максим Максимович побарабанил. Руки его полоскались по воздуху, как полотно флагов в ветреный день.

— Это... это — хворь какая-то... Сперва выжесера... Потом меня... Не потерю, он уже уходящему Ванюше, как-то повизгивая.

Через несколько дней помещение конторы было набито людьми.

Вихрастые комсомольцы, свесив ноги с подоконников, подогнув их по туреки под себя, запытались в дальние углы. Посередине комнаты, на освобожденном от конторок и этажерок пространстве выткнулось несколько рядов стульев. Здесь сидели партийцы. Среди них было несколько прикреплённых из города — в серых плащах, кепках, а остальные чернели еще немсытой фабричной грязью. Прикреплённые бязливо сторонились их замасленных блуз, стараясь это делать неспроста и вежливо.

Звонка не было, и секретарь чейки постучал стаканом о графин с желтоватой водой — д-зинь, д-зинь, д-зинь! Сперва как всегда, докладчик из райкома доб большой доклад «об очередных задачках» — перелистывал записную книжечку и деловито прочитывал столбики цифр, раскрыв новую страничку, сиранивал торжественно аудиторно: «А что говорил Ленин?» — и, как пономарь, неважно и торопливо бормотал длинные цитаты. На подоконниках громко перешептывались, а в первых рядах зевали, стыдливо прикрывая рот рукой.

Наконец, снова раздался голос секретаря:

— В текущих делах по поводу дискредитации товарищей и спецедедства комсомольца Ивана Доброва.

Подъемные краны на Балтийском заводе. Балтийский завод — один из старейших в России судостроительных и механических заводов. Почти сто лет завод строил исключительно военные суда и вспомогательные суда войны. Возродившись после революции, Балтийский завод перешел и строительству торговых судов (песовозов, нефтеналивных судов, почтово-пассажирских лайнеров).

— Ну, Ванюша, значит столкновались? Ты свою бузу брось, а работай по специальности.

Ванюша оторвался от причудливой росписи мрамора. Он поднял на Рагозина зеленые, с недочервивым огоньком глаза и, медленно выговаривая слова, скал:

— Значит, ежели спец транжирит, да с рабочими, как старый эксплуататор, — надо смолчать? А если красный директор

Стихотворение А. ЯСНОГО

I

По океану
В високосный год
Гуляет в тумане,
Гудит пароход.
Трехтрубный, военный,
Бронею обшит.
На мостике в пене
Капитан стоит.
Поплывавая в воду,
На шторм, на ост,
Он шлет погоду
Сороке под хвост.

II

Два матроса
Играют в трик-трак,
Рыжеволосый
Жует табак.
Другой, чернявый,
Делает ход
Пешкой вправо —
И поет:

«Капитан вор,
Боцман вор,
И кок вор —
Один разговор».

III

Сладок и в волю
Крепок ром,
И надо просмоленным
Быть моряком,
Чтоб, выпив фляжку,
Глотнув две,
Снести фуражку
На голову.
Направо крен
И налево крен
Боцман идет
Не сгибая колен.

IV

Родится песня
Совсем проста.
Родится песня —
Удар хлыста.

Уже никто
Не играет в трик-трак.
Боцман Стоп
Прячет кулак.
Расправив баки,
Боцман сказал:

«П-пе-ть н-не-льзя
Н-а-а б-бак-ке...»

V

Тогда встал
Ирландец Бейн
И дал ему
В зубы.

VI

Чудесен отменно
Порт Бомбей.
Полно полисменов,
Господь их убей.
И судьи, как совы,
В порту Бомбей.
За ржавым засовом
Томится Бейн.
За хмурой дверью
Орет матрос:

«Капитан пес,
Боцман пес».

VII

Четыре матроса,
Таверна «Мель»,
Китаец курносый
Разносит эль.
Шипучим словом
Несет от вина,
Четыре головы,
Как одна.
Двое встают,
Проливая вино...
Двое ждут...

VIII

Сладок и в волю
Крепок ром,
И надо просмоленным

Быть моряком,
Чтоб, выпив фляжку
И еще две,
Снести фуражку
На голову.
Направо стена
И налево стена,
Боцман бредет,
Не найдет судна.

IX

Его догоняют
Четыре ноги,
Его обнимают
Четыре руки:

«Сынок, путины,
Знать, не найдешь...»

Под сердце в спину
Влезает нож...
Качаются стены...
Огни... Огни...
И... спят полисмены,—
Господь их храни.

X

По океану
В високосный год
Гуляет в тумане,
Гудит пароход.
На баке матросы
Играют в трик-трак,
Черноволосый
Жует табак.
Другой, кудравый,
Делает ход
Пешкой вправо —
И поет:

«Капитан вор,
Боцман вор,
И кок вор —
Один разговор».

КОГДА ЗАПЕВАЕТСЯ ПЕСНЯ

(Из приключений одинокого туриста)

Рассказ Н. БОГДАНОВА.

Иллюстрации Н. ДЕНИСОВСКОГО

РАССВЕТ застал одинокого туриста а двадцати верстах от Москвы. Он, подымаясь к старинному монастырю, окаймленному садами на величавой горе. Вид красивый, живописная местность, впереди все новые просторы, но кажется юноше все это скучным, давно виденным. Он так читался книг, что весь путь ему представляется заранее долгим и нудным, он давно насадился им на страницах книг в уютной комнате, и путешествие начинает казаться ему бесцельным повторением пройденного, к тому же связанным с массой неприятностей и неудобств. Когда он проплыл мимо камышей, тучи комаров злобно нападывались на него, задевая глаза, хрустели на губах и залепляли рот кисло-сладкой копошащейся массой. Тогда он налегал на весло — поскорее выбраться на чистое место, но руки начинало саднить. В спине точно протекла проволока и больно тянется, когда он посылный хочет гребнуть веслом. Проклятое весло, какое неровное. Рука чувствует все сучки и ямки. Каков же был ужас Тарабукина, когда при солнечном свете он увидел под средним плавцем багровую страшную мозоль!

«Вернуться, пока не поздно», — мелькнула мысль. Но председатель кружка туристов вспомнил, что в городе осталось не меньше половины его последователей, которые уверены, что он совершит мужественное, спогнибательное путешествие. Что скажут они, встретив его в городе? Затем Тарабукин оглядел лодку,

171 предмет¹, нагруженный на нее, и ему стало досадно, что все это, добытое таким трудом и лишениями, пойдет насмарку! Нет, надо ехать. И осторожно, держа весло не всей рукой, а двумя пальчиками, Тарабукин стал править дальше.

Однако, неудобство одиночества стал чувствовать все острее. Наступил полдень. Жара стала размягчать, клонить ко сну. Бессонная ночь, к тому же проведенная не над книгой, а на лоне природы, давали себя знать. Голова Тарабукина сама клонилась на грудь. Сон одолевал. Жара размягчала. А по берегам курчавились на ровном песке не багровый муравей тальники, манили усадебные в их тени и захватывали богатством.

Никогда в жизни не хотел так спять Тарабукин, как в этот ясный, затопленный солнцем полдень. Но где усадеб? Кругом бродят люди, враз разворуют вещи, не с кем смениться, и нет укромного уголка, чтобы спрятаться. Он страдал. А мимо проплывали безучастные берега, монотонно плескалась вода и насмешливо смеялись встречные купальщики. Тарабукин оспаривал их сторонкой — возмущ лодку за нос, да и опрокинут, чего с ними один сделаешь!

И видя плавающих вокруг людей, он озирался, сидя на руле, как волк (сравнение неудачное: волки озираются, но не судят на руле), как английский капитан, озирался Тарабукин, в водах Ян-цзы, китайской Волги!

Неожиданно Тарабукину улыбнулось счастье. Он заехал в низменную местность. Река превратилась в ряд озер, среди них заросшие камышами виднелись островки. Огляделся наш путешественник — ни души; и предвкушая сладкий

отдых, пристал к самому укромному островку. Он втащил лодку, наломал и набросал на нее камышей, чтобы сделать незаметной глазу, и растянул брезент пакеты, завалился спать, безусловно с некоторыми предосторожностями: в одной руке юноша держал ружье, в другой — финский нож, а под голову положил топорик.

Какой у него был вид, сказать трудно: видел его один птицы с высоты своего полета и шарахались в стороны; нужно предполагать, что вид у Тарабукина был внушительный. Но странная вещь: чем сильнее человек, чем больше вооружен, тем больше смел мерещатся всякие страхи. Первый же всплеск рыбины заставил Тарабукина вскопиться, сжимая оружие, дрожа всем телом. Через полчаса, когда после тщательнейшего наблюдения над местностью — не кажутся ли где камыши, не волнует ли воду человеческое присутствие? — он убедился, что тревога ложна, снова забился сном.

Так проспал он еще час. И вдруг — сквозя сон — дикие крики, хохот, и напутанное воображение ясно представило орому диких индейцев, негров, фашистов, всех вместе, как по «Слепотою», прыгающих вокруг него, своей жертвы, с хохотом готовясь истребить его. Он вскопился, спросонья, на четвереньках хотел убежать и спрятаться в кусты, но после нескольких прыжков заскочил в воду и опомнился.

От островка, удивленно переговариваясь, отплыли гуси.

— Черти, дьяволы... бюрократы! — ругался он всеми имеющимися у него в запасе ругательствами. — Поспать не дают, огоготые!

Вспомнив, что может привлечь что-нибудь внимание и открыть свое убежище, он оставил тирады и снова заснул на часок — ни больше, ни меньше.

Дерзнул лукавый двух бойlocks притти карасиков бредком половить. И бредень-то у соседа выпрыснул. Чулпакталис, чулпакталис бабенки и наелся на злополучный островок. Чутой, забилась в бредне рыба. Как вымахнул его, как зарюет с радостью! И не знали, что человека могут испугать. Вскочил Тарабукин — в одной руке нож, в другой — топор — и спросонья и с испугу заорал не по-человечески. Что случилось с бабенками, не стану выдавать их секретов, только запоминился, апостолу их истонный «караул», «мамыныки» и душу раздражающий визг. Когда он опомнился, их уж не было, лускала лупыри растревоненная тина, расходилась грязными кругами вода, да бился золотые карасики в брошенном бредне...

— Ох, что я наделал!

Тарабукин почувствовал замороженную спину при мысли, что сейчас явятся мужики и парни с дубьем — проучить его, как пугать безвинных бабенок. С лихорадочной поспешностью он стащил лодку, усеял на корму и заработал веслом, забыв о мозолях.

Неожиданно Тарабукину улыбнулось счастье...

Любители, пришедшие поудить на вечерней зорьке, видели юншу с испуганным, преступным выражением лица, в лодке, нагруженной какими-то товаром, несущего что есть духу вниз по реке. Рыболовы пожимали плечами, переглядывались.

— Сдается мне, парень-то кооператива обокрал! — заявил один, склонный к конкретному мышлению.

— Подозрительный субчик! — отозвался его сосед.

Передаваясь из уст в уста, по берегам появилась тревога, усиливаясь, нарастая, обогнала самого плывца и попала к волионционеру в формулировке потраченного:

«Обраби кооператив, то ли в Выселках, то ли в Поречном, бандиты разбегались. Лодку с ограбленным топит один из них по реке. И что власть смотрит?»

Миллионер попался с инициативой и энергией. Он собрал десяток-два мужиков, вооружил их баграми и разложил на мосту подкараулив бандита. Сам спрятался с заряженным паганом в разводной барке.

Так ловко организовав дело, он с нетерпением ждал добычу. Река поплескивала все тише, начинало совсем вечереть.

Ничего не предполагав наш турист о молве, так лукаво опередившей его. От злополучного островка отмахиваясь он порядочно, Тарабукин легче стал поплескивать веслом. Лодка шла хорошо. Предельная тишина, далекое мычанье коров, чья-то зовы и песни мирно настраивали его духу.

Из легкой дымки сумерек причудливый, как-то скачущий, на фоне огненного заката выплывал перекинутый через реку, через темные барки, мост. Направо стоял лес, налево тоже лес. На одностороннего туриста повеяло сказкой, разбойниками. Он вообразил себя каким-то героем эпохи Степняк Разина, Кузмы Рощина и усеялся на корме молодцовато подбоченясь, опершись рукой на рукоятку физического ножика, и в такой метательной позе чуть пошевеливал веслом.

Вот и мост. Сперва надвигается его дрожжащая длинная тень, затем наплывает корпус неуклюжей барки. Лодка повинуясь с ней и вошла под мост. Турист пригнулся, гребнул веслом, чтобы лихо вынырнуть из-под моста. Вдруг что-то звякнуло и защемило лодку. Оглянувшись Тарабукин и увидел бордатуру красную физиономию, волосатые ручки, вооруженные железным крюком, зацепившие его лодку.

Неробкое сердце туриста стремительно кула-то переместилось, и он чуть не слез с кормы от небольшого испуга. Моментами всплывал опыт пуганья баб, Тарабукин блеснул перед зверской физиономией ножом; физиономия выпаращила глаза, и моментально багор бутылкнулся в воду. Тарабукин победоносно оглянувшись; в то же время его огуляши неистовый рев:

— Держи! Лови! Стой! Стреляй буду! Мост мгновенно ожил, и туристу показало, что все его бревнышки превратились в разбойников. Он издал свой боевой клич, метнулся уйти от наводнения, но два багра еще крепче вцепились в лодку, а третий трахнул его по голове и так нехорошо, что Тарабукин моментально позабыл, где он, кто он и была ли у него мама.

— Никак вовек зашибил!
— Зашибил горюня!

— Ах вы, медведи чортовы, с кого же допрос-то буду снимать? По кодексу не должно убивать — бить не имеешь права! Наше дело представлять в народный суд, — ругался милиционер.

Да чего тут сыма-ть-то! Знамо, капиратив ограбил, гаян, товару-то сколиця, всякий асичини, — указывали мужики на лодку.

Милиционер попутал пульт:

— Чего-то теплится... Ну-ко, клади его на траву. Я ему, плодцу, искусственное дыхание сделаю. Звось отойдет.

Милиционер отступил кобур, засучив рукава. Мужики стали в круг сомнительно покрывали. Но в это время сам турист очнулся. Ему дали попить водички, помоишли голову. Через пять минут он оживел окончательно и, увидев милиционера, стал протестовать.

— Я турист, вот мои документы. Какое вы имеете право ловить меня, как разбойника?

— А это вещи чьи? — ехидно улыбаясь, спрашивал милиционер, указывая на 171 предмет, необходимый туристу.

Тарабукин, призвав на помощь весь свой опыт по пропаганде туризма, начал объяснять толково и красноречиво о целях туризма и какая вещь к чему. После объяснения милиционер поколебался, но мужик, упустивший багор, сказал:

— А может он шпий? Их теперя как собак неважных, и обидно-то у него шпийское. Серьезно надо смотреть. Не што зря в громком говориле объяснял, аль в третьюи не слышал?

— Правильно, — подтвердил и милиционер, — кто ж тебя знает? Документы, их вечером не разберешь, может они фальшивые. Лучше я тебя арестую, завтра разберем, наведем справку. Пошли в ардом! И по мягкой дуговой дороге отправились и облава и пленник в волюсть. Сзади пять мужиков бережно несли 171 предмет туристского обихода.

Пришли в село. Под собачий брех, через толпы любопытных добрались до арестного дома.

— Утро вечера мудренее, — сказала милиционер, и снимая дознание общался

прити завтра.

Спал Валя

крепко. Как в

насмешку, вид

ел во сне про

сторы и преле

сти путеше

ствия. Каково

же было про

снуться в не

уютот арест

каморке!

— Ну, на

копей-то се

годня вы

буресур —

по-мечтал

Одна

ко, напри

Мили

ционер

универ

сит его

не кон

чал, до

всех тон

костей

предме

тов тур

истско

го оби

хода

приш

лось

бедин

дохо

дить

свои

умом

Про

цеду

ра

опис

вещ

ей

под

вигла

сь

до

воль

но

мел

но

О

со

бе

но

О

со

бе

но

О

со

бе

но

О

со

бе

но

О

со

бе

но

О

со

бе

но

О

со

бе

но

О

со

бе

но

О

со

бе

но

О

со

бе

но

О

со

бе

но

О

со

бе

но

О

со

бе

но

О

со

бе

но

О

со

бе

но

О

со

бе

но

О

со

бе

но

О

со

бе

но

О

со

бе

но

О

со

бе

но

О

со

бе

но

О

со

бе

но

О

со

бе

но

О

со

бе

но

О

со

бе

но

О

со

бе

но

О

со

бе

но

О

со

бе

но

О

со

бе

но

О

со

бе

но

О

со

бе

но

О

со

бе

но

О

со

бе

но

О

со

бе

но

О

со

бе

но

О

со

бе

но

О

со

бе

но

О

со

бе

но

О

со

бе

но

О

со

бе

но

О

со

бе

но

О

со

бе

но

О

со

бе

но

О

со

бе

но

О

со

бе

но

О

со

бе

но

О

со

бе

но

О

со

бе

но

О

со

бе

но

О

со

бе

но

О

со

бе

но

О

со

бе

но

О

со

бе

но

О

со

бе

но

О

со

бе

но

О

со

бе

но

О

со

бе</

Куда мы расходует свой заработок? Едва ли многие смогут полно и точно ответить на такой вопрос. Подсчитают, забыв папавы, основные статьи расходов: харчи, квартира и пр., а всего не досчитаются. Десятка-другая улетают, как дым, особенно у холостых...

А между тем стоит только подумать над карманными расходами, и оказывается, как много мы сорим зря и как часто мы отказываем себе в самом необходимом. Пяничка, дрянная зачастую филанкиша, лишняя коробка папирос для форсы, какая-нибудь просточка — все это незаметно выманивает рубль. А нужная книга, подписка на журнал или газету, баня, прогулка на лодке, марка для письма товарищу и пр., нередко кажутся нам недоступной роскошью. В этом деле есть своя антикультурная традиция, которую нам необходимо перебороть.

Помещаю ниже очерк ставит эти вопросы в живых зарисовках.

Загадка хороших брюн

ЕЖЕВЕЧЕРНЕ выходит с гитарой Шурика на оживающую к ночи рабочую улицу Карповку. На нем красуется модный костюм «Московшвей» в 38 рублей, светлые ботинки «Скоророход» и серая в салочку кеги.

Чистый, нарядный Шурика на Карповке поднимает вокруг себя разговоры.

Ежевечерне выходит с гитарой Шурика на улицу...

— Такое же получает жалованье, как и наши, а ходит нарядным-наряднеем.

— И кто у него за одеждой следит, право? Семья не такая, чтоб наблюдать: мать уж старая, а ребятишки и себя-то обрядить не приспособлены.

— Наверное, кроме жалованья, есть какой-нибудь прибавочек.

— Полно-те, я доподлинно знаю, что с моим Васюткой по одному разряду числится.

— Вот ты и поди.

— Да, совсем другой, чем наши. У них, словно в печку, жалованье пролетает...

— Натягиваешь и бережешь, а разве когда в два месяца на новую рубашку выходишь. Все на жизнь уходит.

Когда узнал я спервоначала Шурика, мне также казалось мало понятным, каким именно образом у него «меньше выходит на жизнь», чтобы выкраивать «на себя» и ходить хорошо одетым.

Сам он говорил мне:

— Загадка здесь нет никакой, просто изобретались на карманных рублях, и все тут. Вот Гришка, тоже фазант гепер, как и я, а на одних ботинках замаялся. Купит один, спарит, не меняя ни разу, и обязательно так дотреллет, что за неделю до жалованья в худших шегель доводится. Нет того, чтобы как другие: есть на ногах — надо и в смену им. А в семью еще меньше моего вносит. Я сорок восемь матери отдал, а он едва и сорок-то платит. Да и что ему, если отец около восьмидесяти рублей зарабатывает. После получки Гришка сыт и пьян и нос в табак, а потом у нашего же брата стреляет на папиросы. Гривенничает по-чел зря. А у меня на пяничку совсем нет такого пункта в расходах. Не тревеничку, конечно, выпить иногда очень тянет, и не откажусь, если представится соответственный случай.

— Какой же здесь может быть случай?

— Ну, большой праздник, скажем, в роде Нового года или где на именинах, или на свадьбе. И то больше при хорошей компании. Ведь для иных всякая пивная — распрекрасная обстановка.

Спор бульвара и луга

Мы шли с Шуриком в конец Карповки, упиравшейся в небольшой сад. Последний оканчивался уже за городом в зеленой низине с чистым, недавно устроенным прудом. Здесь по вечерам собирается молодежь с заводов небольшого этого района.

Петька с Васюткой и девушкой — никакого неразлучная компания — сидели на узеньких лавочках без спинки у самого входа.

Внизу у пруда, лежа и сидя кучкой, пели под комариный писк балазники чатушки, на мотив рязанского «страдания».

— Ты куда это запропазд? — встретила Шурика ребята, — мы давным-давно здесь.

— Дома управлялся с делами.

Ребята были без пиджаков, в одних рубашках, а девушке заметно принаряджусь. Я едва признал их, будучи знаком с ними только в шумливых цехах завода.

— Ну, пойдете и мы на луг?

— Опять к тем липам, что луг?

— Куда же?

— Комаристо там у воды, — протриво-рила Манька не без томности. — У меня руки все на виду, платья пошу без рука-

вов, так ровно кислотой изжег вчерашний овод.

— Ишь, какая неженка, комаров боишься!

— Все-таки лучше на бульваре в центре.

Ребята засмеялись.

— Люди на центра чуть не ползком ползут, стараются за город, а наша Маша не может без центра жить.

— Так что ж, там и музыка, и народу больше. А здесь как на пустыре — одна скука.

— Ну, будет спорить, идите. Завтра, так и быть, отвеем тебе на Театральную площадь, когда будут мести ее. Пусть хоть пыли там наберешься.

В глубине зеленой низины уже росла трава. Над зелеными тюфяками травы неподвижно стояли серебристо-лиловые облака. Медленная луна вползала на бирюзовые высоты неба. Было свежо и чисто. Откуда-то со стороны едва долагали тяжелые вздохи маневрирующего паравоза.

Шурика щипнул струны — гитара затрещала знакомую песню.

Васютка распустил руки крыльями и в такт мелодии плавно понесся по дорожке.

Манька с Кирилличкой стали петь. Всем было весело. По всему видно было, что им невдомом тусклость зараженность «созмания» и «ушищения» часто свойственны, например, учащейся молодежи. Проводя дни за работой в цехе, оставшуюся часть времени уже целиком используют на отдых. Отродно, что домашний обиход менее всего засасывает рабочую молодежь. Пришли с работы обмылись, переоделись — и развязаны. Обеда чаще за заводских столовых, уже не приходится иметь дела с многосложнейшей домашней управой. Прибавить и вычистить комнату много времени не потребует, а стирка белья чаще раза в неделю не бывает. Мне очень памятна несколько случаев борьбы молодежи со старшими за обед в заводских столовых. У той же Кириллички семья в пять человек, а они с братом — работающим на одном с нею заводе — все-таки добились этого. Согласились обедать не за 35, но и за 25 коп., лишь бы только не связываться дома с «кастрюлями и ножами». В других рабочих семьях обычно та же история. Мать настаивает на домашнем обеде, досадит, «еще вместе, да и расходов меньше, если каждая кроха в дело идет, а молодежь режет на это овод».

— Не хотим всякую сухоботку завод-дуть да таскаться по лавкам и магазинам за зеленью да капустой. Только сваялись с нашими обедами, так еще хуже заму-чаешься, чем от работы. Чего лучше для нас столоваться там, где работаем. По

крайней мере не жди, не бегай, сразу после дела отобедай; ничем не связан, куда хочешь, туда и катись.

В особенности с приходом весны для молодежи наступает богатый отдых. Скверы, бульвары, садики помогают до глубокой ночи.

Худа расходуется нарманные

По случаю субботнего вечера мы гуляли немножко дольше, чем обычно.

Когда затих после полуночи садик, мы гуляли еще по дорожкам у выхода. Зелёная зоря чуть начинала румяниться за вокзалом, вставая на новый день, и воздух синел, становясь прохладнее и чище от стихшего движения огромного города.

— Денег нет — завтра бы на Москва-реке стали кататься, — вздохнула Васютка.

— Давно вы обещаете, да не дождемся от вас катания. На пивную так есть денётик.

Петя искоса посмотрел на Маньку.

— Вы поменьше тратьте деньги на пудру, так тоже можно будет снять пару ложек.

— Ишь какой хлюст, мы же должны вас катать? Где это видано, чтобы барышня за ложку платили? Это на вашей обязанности.

— Мы тоже не буржуи, чтобы за барышней платить.

— Все-таки должны оказать любезное внимание.

— Совсем ты, Манька, барышня стала. Стыдись, как работница и комсомолка!

Я пришел к Шурке в обеденную пору в воскресенье. Он разглагольствовал по каменному уютному, обладающему лишь половинкой ручки и по этому случаю жегшим руки.

— Это оружие обихода давно бы забросить пора, да все никак не соберусь новый приобрести.

Покончив с брошками, Шурка положил на стол пиджак и, опуская сумкунюю тряпку в чайный стакан с кипятком, стал «освежать костюм», старательно шмыгая тряпкой по воротнику и плечу. Ребята пришли вскоре. Дурацкая погода нынче холодной и затяжной весны изменчивости вчерашним приметам. Вместо теплого, тихого дня, небо заводилось неистинными облаками и подул чисто осенний ветер. План прогулки по Москва-реке рухнул. А когда мы встретились с девушками на Карповке, и вовсе пришлось похерить эту не осуществившуюся затею. Совершенно неожиданно на рекламных щитах кино были расклеены афиши о наступившем в центре каком-то «боевике».

Манька «толсовала» только за кино.

— От обеда откажись завтра, а на эту картинку схожу.

— Закройся ты со своим кино, — огрызнулся на нее Гришка. — Всю зиму картинку смотрела, а рассказки-ка, что помнишь? И на один грамм умнее не стала...

Подруги были с ней согласны, но ребята неуверенно полагали на свои кошечки.

— На кино уходили все деньги зимой, ну, это еще куда

ни шло, — мрачно проговорила Васютка. — Но весной, правда, досадно гривенниками бросаться на всякую фильмышку.

— А мерзкая, эта «Холод» только и с руки кино-декорки. Куда денешься в такую погоду, кроме кино? И вот у них теперь не меньше посетителей, чем зимой.

— Если бы подсчитать мне расходы за год, так на кино у меня выйдет разве немножко меньше, чем на еду, — образумилась Манька, но проговорила эти слова без гордости.

— У всех почти так же.

— Только не у Гришки. У него пивная с ресторанами на первом месте.

— Ах ты, ничтожество, — огрызнулся на нее Гришка, — что я — пропащая пьяница, что ли? Конечно, нет. Ведь прогулов за весь год 3½ часа только и то по семейным обстоятельствам — квартира была закрыта мамой, ушедшей на рынок за капустой.

— Не пьяница, а так только пьешь.

— Пьяница все пропьет, с себя спустит. А я ведь только на свободные деньги. Притом и ребята угощают тоже.

— Ну, ясно: ты их поишь, они — тебя.

Гришке за пивную достается от всех немало. На улице осуждают, дома постоянная ругань матери, а девушке доминать Гришке больше всего. Им хочется чаще ходить по кино и другим гуляниям, а его разве когда поймашь и то бездельным. Как правило, конечно, девушки платят за себя сами, но, если «знакомый кавалер» сам раскошелится, то это в порядке вещей...

Мне приходилось многих спрашивать, куда уходит так называемые «карманные» деньги у молодежи. Размер их колеблется от половины заработка — у немногих — до десяти рублей в месяц — у большинства.

У ребят: кино, выпивка, табак, конфеты, орехи, семечки.

У девушек на первом месте наряды, кино, пудра, мыло, одеколон, разные мелочи.

Это у семейных. Вояка известные суммы в семью — на стол, содержание

Такого не получает наложение... а ходит нарядным

квартиры и т. п. они уже остатками распоряжаются, что кому вздумается. У одних и бесхозяйных денег не разграничиваются строго на «карманные» и «основные». У них жалованье уходит в зависимости от образа жизни, чаще — бесстыдно и неравномерно.

О мороженом и прочей дряни

Нетрудно заметить, что статья расходов характеризует уровень нашего развития и культуры. Если бы каждый имел записную книжку, в которой он отмечал бы все свои расходы, то по ней можно было бы почти точно установить, кто ее обладатель. Вот, представим себе такие записки. Что они нам могут рассказать?

Февраль — кино — 4 рубля. Это значит, что парень не заботится о своих развлечениях, проводит свое время спустя рукава, зная бы оно прошло. Десять раз в месяц сходит в кино — значит бежать на каждую афишу...

Май. [Ботники. 17 р.
Гастук. 1 р. 50 к.]

Это говорит о том, что парень не знает гигиены, что в жару он будет парить себя в модных цибетах и затягивать потную шею цветным самовозом.

Июль [Мороженое, лимонады и квасы, подсолнухи и пр. мелочь] 3 руб.

Это показывает, что парень безвыходно пылит себя на бульварах и не высовывает носа на чистый воздух, на реку.

Но и отсутствие иных записей не менее красноречиво. Многие ли в своем бюджете найдут более или менее постоянные статьи расходов, свидетельствующие о каких-либо определенных интересах... — покупка книг, покупка билетов на лекции или диспуты, сбережение денег на радио, фото, коньки? Едва ли многие.

Васяка распустил руки крыльями...

Семейство бухарских евреев

В прошлом — улица крови

ИСКИ Шахар¹ Самарканда. Автобусная остановка на Регистане, где в солнце голубыми блестящими в лазури вышенок отражаются минареты мадрассе: Улуг-Бекка, Шир-Дор и Тили-Кари.

История их спрятана в каменной груди веков, когда по прихоти ханов на крови и костях рабов выросли эти гиганты, в узорчатых рисунках, с арабскими изречениями в стихах на минаретах.

Мадрассе — высшие духовные училища, и каждое мадрассе носит имя хана-строителя. В мадрассе много худож² со сводчатыми потолками и узкими решетчатыми прорезами для света. В этих склепах посвятившие себя Аллаху десятками лет изучали коран. Входя на studia дети, выходили с седой бородой.

Эти добровольные божии каторжане, одержимые религиозным фанатизмом, по выходе из мадрассе шли учить народ. Все ученые держалось на букве корана. Отсюда их презрение, ненависть ко всем, кто по-иному мыслит и верует. В десяти минутах ходьбы от мадрассе — махалла³ тех, кто эту нетерпимость «правосверных» испытал кровавыми рубцами на спине и веревкой на шее.

Пройдете в обгоревший ряд, что за Регистаном, где на громадных скворцох жарятся целые бараны туши, или на тибетских яшиках базар, где стены в ярком шелковом вышивах — и спросите:

— Как пройти в квартал Востока?

Если ваш встречный — старый узбек, его лицо сожмется, как печеное яблоко, а сам он, будто не понимая вопроса, отрицательно качнет белоснежной чалмой.

Если же вы переспросите:

— Где еврейская слобода? —

вас скорее поймают и махнут рукой по улицам, где тянутся мастерские — лавочки средневековой, чайхана и разные харчевни-закусочные.

Против развалин соборной мечети Биби-Ханым⁴ тянутся такие же, как все старый город Самарканда, செட்டெட்டெ, с высокими глиняными дулами улицы. Но, внимательно приглядевшись, можно узнать квартал Востока.

На улицах обилие черноволосых черноглазых детейшек. Вместо чалм на проходящих мимо вас — черные барашковые шапки. На некоторых вместо халатов надеты наглухо застегнутые черные «сюртуки», а на женщинах платья, больше похожие на длинные рубашки. Их историческая принадлежность еврейских слободок всего мира — старик с пейсами.

Здесь в еврейской слободке, называемой теперь «кварталом Востока», живут невозможному скучению 13 тыс. бухарских евреев,

опутанных всеми религиозно-бытовыми предрассудками старины. История их, как и вся история Востока, в легендах.

«После, изгнания евреев из испанских городов, в то время, когда там совершались иезицизмы, евреи переплыли Средиземное море и через Египет, Аравию, Персию и Афганистан пришли в Туркестан».

По другой версии: «Десять колен Вениамина были уведены в плен в Ашур, страну Хабор...»

Толкователи-книжники объясняют, что «страна Хабор» есть Бухара. Но вернее всего, и это подтверждается историческими данными, евреи пришли в Бухару из Палестины во время могущества ханов, когда этот край начал быстро развиваться и занял первое место в мировой культуре и торговле.

В мировой литературе есть много описаний гетто в городах средневековой Европы. В этих отгороженных стенами еврейских кварталах протекала жизнь, полная лишений, страдания и горести. В тесных «собачьих» конурах квартала рождались, жили и умирали. За стеной квартала еврей ожидал только насилия, оскорбления и побои. Не даром в римском гетто была «улица слез». Но в азиатском гетто их все можно было назвать «улицами крови».

Законы ханов

Следы ханских расправ с евреями сохранились в таких, напр., отрывках из законодательства того времени:

«...В черте города еврей не разрешается садиться в коляске или арбе... В знак отличия от мусульман, еврей обязан нашивать на одежду кусок старой материи.

Они обязаны, как и прокаженные, жить в особом квартале...»

... Ханский сборщик при взимании податей обязан ударить еврея по лицу... Еврейские дома и лавки, в которых красил шелк, должны быть отмечены черными флажками, чтобы правоправный мусульманин по ошибке не приврал на такой дом благословения Аллаха, а ишний не обратился бы с просьбой о милостыне.

... Еврей может ехать верхом на лошади только на вьючном седле, так как благородное животное — лошадь не может нести на своей спине презренного джугута¹ иначе, как груз.

При встрече с мусульманами еврей должен сходить с лошади...

... Еврей не может носить чалмы, а подпоясываться он должен веревкой, чтобы лавный мусульманин, в случае надобности, сняв с него веревку, мог накачать еврея, а если

он своим поступком того «заслуживает», и повесить на первом дереве...»

В уцелевших исторических документах есть запись о том, как за продажу вина мусульманам были казнены десять евреев, том числе беременная женщина.

После завоевания края русскими, евреи попали под двойной пресс. Парские сатрапы вскакивали способами выжимали деньги из евреев. Кроме того, евреи держали под вечным страхом высылки, требовали доказательств, «что он не верблюд», а еврей, проваляющийся в Туркестане с давних времен.

Улицы мастерских

На улицах кварталов, сотни, даже можно считать тысячи мастеров, так как в каждом доме мастерская. А тысячи кустарей: жестянщики, кузнецы, красильщики, тибетские иконописцы, сапожники, пекари — и так без конца — наполняют еврейский гетто Самарканд. Я заходил в мастерские ранним утром, по одним вечерам, вернее ночью, и там всегда ступали молотки, колотые и горели горы в кузницах. Скорее и легче можно учесть минуты сна, нежели существования рабочего день.

Рассказывают, что у еврейской бедноты было сильное желание организоваться в артели, однако при «горячем» участии Райпромохоза дело провалилось.

Несколько артелей организовал комсомол. — Но все они при смерти, — так говорили мне комсомолцы, один из руководителей пятисот комсомольцев квартала.

Мы с ним обошли несколько артелей — везде бесконечные жалобы на то, что Райпромохоз.

Камбагал у Мер-Ге²

— Ты хочешь посмотреть наше святое место Мер-Ге, где купаются после менструации женщины? — спросил меня мой спутник, комсомолец Исхабев.

И вот мы с ним долго лазируем в узеньких переулочках, тупиках и, наконец, останавливаемся перед запертой калиткой.

Тихо, по-женски, стучим. Женщина, открывшая калитку, подозрительно нас осматривает, но все-таки выпускает. Дворик, как все дворики, тесный и весь, как пыльное гнездо, спелен из глины. Исхабев перебрался с женщиной несколькими словами, и через секунду она пришла с ключами. Отперла маленькую дверь. Пахнуло сыростью, пылью. В сводчатой низенькой комнате, вверху — гроты или катакомбы, у стен — лавочки, а на полу настиланы соломенные маты. Дальше такие же катакомбы наполнены водой. В хаузе (бассейне) в грязной зеленой воде стучит чужинная леща.

¹ Иски Шахар — старый город.

² Ухура — келья.

³ Махалла — район.

⁴ Биби-Ханым — соборная мечеть, построенная Тиму-ром в честь любимой старшей жены.

¹ Джугут — бранимая кличка евреев в Туркестане.

² Бедик — у святого места.

— Вот и святое место, — говорит Исхабаев. — Сюда приходит после менструации и купаются ежедневно 20—25 женщин. Отсюда, — Исхабаев останавливается, морщась и делая гримасу безразличия, — болезни, особенно ревматические, так как вода холодная, а главное — зараза.

И он рассказал мне о тех методах, средствах и приемах лечения, к которым прибегает еврейская беднота. Многому, что я слышал, несмотря на мое полное доверие к Исхабаеву, я не мог поверить, до тех пор, пока не прочитал сам письменный доклад, сделанный в САГУ¹ специалистом, изучавшим народную медицину бухарских евреев.

Вот рецепты:

«...Болезни — это вселение в человека духа, вогнать злого духа можно посредством шума и звуков бубна. Старухи окружают больного и бьют в бубен.

Если человек упал и ушибся, то нужно на этом месте в угоду богу зажесть фитиль в масле.

«...Болезни глаз нужно пустить в него несколько капель крови от зарезанного голубя или перепелки, или посыпать в глаз толченым фарфором.

Если болит ухо, то положи голову на плечи женщине, имеющей грудного ребенка — девочку, и она должна выжать молоко из груди в ухо, пока оно не наполнится.

Больного теплой (свинкой) положить

брату мочу больного и на следующее утро дать ему выпить.

...От той же болезни желтухи дать больному есть кусок хлеба, в который вложить десяток яиц (без желтка больного). После приема большой должен поправиться или умереть...»

И тысячи так лечили и лечатся и... умирают.

Все эти великие мудрости поддерживаются духаками¹ и не осуждаются раввинскими, которые показывали фокусы лучше. Исхабаев, мой спутник, не любит раввинов. Когда мы шли по улицам, он после тягостного молчания заметил:

— К этим сволочным священным местам приспособлен камбагал². Ты не удивляйся этому имени — так называется у нас общество помощи бедным. Название хорошее, цель еще лучше, а тут все-таки фокус, начавшему очки отвали.

Комсомолец остановился и схватил меня за плечо.

— Кто организовал? — громко выкрикивая, говорит Исхабаев, и сам отвечает: — Раввин Алиев и богат Колонтаров, жуль с хорошим жуликом. В Мег-бе за купание по рублю, за чистку сейфер-тош в синагоге — тоже рубль, за шакет³ гоши монету...

Разговаривая, мы подошли к открытой на улицу камере. На полу, на равных отрезках ковра лежал больной старик.

— Вот полечене камбагала: он дает ему 75 коп. в неделю; в общем тратит на всех больных и бедных около 100—150 руб., а зарабатывают 700—800 руб., разница остается под видом жалованья и других вознаграждений у организаторов.

„Наш танк“

Вечером я снова бродил в темных улочках еврейского квартала. Из улицы в переулок, из переулка в тупичок, оттуда обратно и так без конца. Неожиданно из улицы послышался отдаленный бой детского барабана. Пошел на звуки. Через минуту натолкнулся на ворота, над которыми качался фонарь, освещающий вывеску. Потом не один вечер я провед здесь. Это оказался комсомольский

Клуб — гнездо комсомола, большая половина его членов — комсомольцы. Да и вообще застрельщики нового — комсомольцы, так как партийчика по кварталу насчитывается всего 30 человек, а комсомольцев больше полутора тысяч.

История и жизнь клуба — путь горести и печали. Он родился в 1920 году, без средств и жил первое время без членов. В 1924 году горел и через год, в 1925 году, снова родился и жил до 1927 г. без обслуживающего штата. На читаальню, на библиотеку отпущено 100 рублей в год. Просили окрестный пролетарский комитет радио дать 350 рублей — отказали. Есть инструменты, но нужно починять — опять отказ, и так без конца.

— Дышать нечем — говорили в библиотеке, где все полки заняты книгами Шиллера, Михайлова, Боборыкина, Потапенко, Мельникова-Печерского.

— А нам днем и ночью учиться надо, — говорил в клубе учитель, рассказывая о школах в квартале. Раньше, до революции было старо-методских школ 10, во время нава дошло до 30, а советских до пяти 8, а теперь 2; всего учится 375 человек, а детское школьного возраста 3 тысячи; нет учебников, в школе теснота.

Учитель остановился, махнул рукой и продолжал:

— Для нас не секрет, что снова начал подпольную работу хедер⁴, а ведь там учителя не знают начальных правил арифметики и по-старому долбят священные писания.

Завклуб, показывая мне спелую, знакомая с выставкой по народному здравоохранению, рассказывая о жизни кружков, отмечал общую беду всех начинаний: отсутствие руководителей. Когда я уходил из клуба, догнавшие меня физкультурники говорили о том же:

— Эх, по-новому зажили бы с руководителями.

¹ Еврейская религиозная школа.

Тяги еврейской бедноты в Самаранде

на порог дома и, проводя ножом по горлу, произносить заклинания и молитвы.

...От бесплодия пробовать сем раз под перебродом туда и обратно.

...От желтухи взять арбузную корку, со-

САГУ — Средне-Азиатский государственный университет.

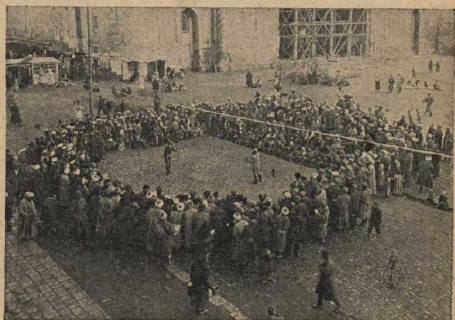
¹ Духаки — колдуны, деклары, читающие молитвы.

² Камбагал — без яса (как — называл его один из комсомольцев), откуда идут стрельба и наступление на старый быт квартала.

Раньше все женщины — еврейки носили чачван⁴ и паранджу⁵, так же как и узбеки, а теперь ходят открытыми. Из трехсот членов клуба — больше сотни женщин.

³ Чачван — женский халат, закрывающий фигуру с ног до головы.

⁴ Паранджа — сетка, голая сплетения из конопли волос, надевавшаяся на лицо.

Базарная площадь в Самаранде. Представление уличных фокусников

ИГРА В ЛЮБОВЬ

Роман Л. ГУМИЛЕВСКОГО

Иллюстрации
А. ДЕЙНЕКА

(ПРОДОЛЖЕНИЕ) ¹

Краткое содержание предыдущего: Председатель Южно-фарфорового треста (ЮФФТа) Петр Нилович Тележников — выдвигенец из рабочих — впервые приезжает в дом отдыха после ряда лет бесперывной работы. Здесь он встречается с девушкой, которая называет себя упаковщицей склада того же треста — Катей Ненюковой. Тележников удивлен образованностью девушки. Та утверждает, что в современном устройстве она не представляет исключения среди других работниц. В одну из встреч Ненюкова высказывает очень интересную мысль о возможности в их производстве искусственной коализации тощих лам. Это еще более заставляет Тележникова заинтересоваться девушкой.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

СЕМЬ РАЗ ПРИМЕР, ОДИН—ОТРЕНЬ

ДНЯ через три Петр Нилович зашел в контору дома отдыха. Заведующий конторой в волнении встретил председателя треста.

— Извините, если я вас оторву на пять минут от дела,— начал, поздоровавшись, Петр Нилович.

Заведующий заерзал на месте.

— Пожалуйста, Петр Нилович, как можно... Я бы сам поднялся к вам...

— Нет, нет! Я с вами по-товарищески поговорить хочу. Ну, как партиец с партицем, пожалуй.

Заведующего конторой такое введение к разговору заставило ободриться. Председатель треста, видимо, меньше всего думал сейчас о делах его конторы.

— Петр Нилыч!— воскликнул заведующий, — будьте в уверенности, что я понимаю и сделаю...

Прежде чем приступить к изложению цели своего прихода, Тележников предупредительно пояснил:

— Вы знаете, как мы нуждаемся в людях, как трудно бывает найти хорошего работника... Поэтому надо пользоваться каждым, даже нечаянным случаем, чтобы выдвинуть нужного нам человека... За такой помощью я и решил к вам обратиться,— закончил Петр Нилович.

Волнение окончательно захватило заведующего. Он не находил слов отвечать и лишь бесперывно кивал головой в знак понимания. Тележников продолжал:

— Я здесь познакомился с одной работницей нашего московского склада. Это прямо-таки выдающаяся представительница нашей женской молодежи. Мне, как руководителю треста, крайне желательно было бы выдвинуть ее на более ответственную работу...

Петр Нилович покосился на своего молчаливого собеседника. Тот продолжал кивать головою, далекий от мысли вступать в разговор.

— Но,— продолжал он,— в таких делах нужна крайняя осторожность и, прежде чем что-либо сделать для этой девушки, я хотел бы узнать что-нибудь о ней со стороны ее сослуживцев, например. Скажите, есть сейчас здесь кто-нибудь, кроме нее, из московского склада?

— Никого нет, Петр Нилыч. Она одна только. Вы про Ненюкову ведь спрашиваете?

— Да, о ней.

Мимолетное выражение разочарования, скользнувшее по лицу Тележникова, привело заведующего в замешательство. Он готов был сам превратиться в упаковщика главного склада, лишь бы удовлетворить любопытство начальства.

— Можете бы, вытребовать кого-нибудь оттуда по телеграфу?

— То-ест, как же это?— не понял Петр Нилович.

— Ну, так как-нибудь,— засуетившись, пояснил тот,— ну, скажем, будто у нас место лишнее освободилось, чтобы срочно выслали нуждающегося в отдыхе...

Петр Нилович с отвращением сказал:

— Ну, что вы за чепуху предлагаете, как вам не стыдно!

Заведующий сказал нерешительно:

— Можете бы, я могу своими наблюдениями подействовать...

Петр Нилович поморщился.

— Ну, уж это похоже будет на сплетни. Вы же не знаете о ее работе...

— Но могу сказать по пребыванию у нас, что девушка весьма чистоплотная и поведения замечательного, никогда ни с кем нигде не была замечена, хотя за нею с первых дней прямо хвостик...

— Конечно,— заторопился заведующий смягчить неудовольствие патрона,— все рабочий народ. Какой ей в своем брате интерес? Другое дело, когда, скажем, она увидит серьезный интерес со стороны, так сказать, многообещающей...

Тележников подвинулся на стуле с явным раздражением.

— Петр Нилович, может быть, вы посмотрите ее анкету, путевожку и прочее?

— Покажите,— согласился тот.

Из анкеты, заверенной месткомом, Петр Нилович получил все интересовавшие его сведения. Он просмотрел ее очень внимательно и ушел, совершенно удовлетворенный. Когда заведующий домом начал было говорить о том, что можно запросить склад, он решительно запретил переписку по этому вопросу.

— Анкеты с меня довольно, вижу, с кем имею дело. Теперь еще вопрос... Заведующий угодливо потянулся к Петру Ниловичу. Прежняя робость заискивания и смущение заменилось довольством: все красивые слова патрона о выдвигении он опустил, как необходимое вступление, и видел во всем этом весьма обыкновенное намерение погулять с хорошей работницей.

— Какой вопрос, Петр Нилович? Я со всей охотой...

— Вопрос вот в чем,— сказал Петр Нилович,— из путевки я вижу, что она может пробыть здесь неделю только.

— Так точно,— подтвердил тот,— двухнедельный отпуск, и неделя уже истекла...

— Мне казалось, однако, что состояние ее здоровья требует продолжения отдыха... Если бы обратиться на это внимание врачебного надзора...

— А мы и без этого обойдемся!— махнул рукой тот,— о чем тут говорить, раз вы находите...

Петр Нилович резко запротестовал:

— Я совершенно тут не при чем. Это дело врачей решать...

Заведующий кивнул головой с видом человека, понимающего все с полуслова:

— Ну, конечно, Петр Нилович, раз вы хотите провести все по форме, я проведу...

— Да, пожалуйста, делайте все по форме!

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ЛЮБОВЬ НАК ОНА ЕСТЬ

— Я должен просить вас, чтобы вы меня спокойно выслушали, поняли и извинили,— серьезно и искренно начал Петр Нилович, как только он остался наедине с упаковщицей склада, — мне кажется, будет

¹ Началось в «Смене» № 13.

лучше, если я буду с вами совершенно откровенен?

— Конечно, — спокойно согласилась она. — Я также с вами вполне откровенна.

— Так вот, — шагая рядом с девушкой, сказал он, — я сегодня зашел в контору и прочитал вашу анкету, чтобы убедиться в том, что вы меня не обманываете...

Девушка вздрогнула. Петр Нилевич с виноватым видом продолжал:

— Я сомневался — наша ли вы? Теперь, когда я убедился, что вы дочь рабочего, что вы с двенадцати лет фабричная девчонка, что вы сами, как вы выразились при первом нашем знакомстве, «преобразовали себя в куль-

Уповащица склада неожиданно превратилась руководителем треста.

— Погодите-ка, — сказала она, — это все я знаю. А вот не скажете ли вы мне сначала, на какую собственно роль предназначаете вы меня? Судя по вашим словам, вы не ради моих прекрасных глаз собираете обо мне справки...

Петр Нилевич смутился. Она шла, опустив голову, срывала листья кустарника, спокойно слушала.

— Я не могу скрыть от вас, — ответил он, наконец, — что я, как большевик и руководитель огромного дела, нуждающегося в работниках, хотел бы выдвинуть вас на серьезную работу... Но я не скрою, конечно,

Петр Нилевич схватил ее руку.

— Как вы могли подумать об этом? — Тем лучше, — сказала она, — тогда о чем же будем говорить? Очевидно, о законном браке, в который после

регистрации в ЗАГСе уложится наша любовь? Нет, Петр Нилевич, нет, — повторила она, холодно встречая его изумленный взгляд, — и этого я не хочу, потому что я сама себя буду подозревать в том, что сходилась с вами ради вашего положения, а не по любви... Не может быть и речи о том, чтобы вы меня выдвигали на какую-то там работу.

Она со странной улыбкой покачала головой:

— Вы и без всякого содействия классовых врагов можете наделать сколько угодно глупостей, которые вас скомпрометируют. Или вы думаете, что никто не замечает нашей дружбы? Вы думаете, что когда вы назначите меня на какую-то работу, которой без вашего вмешательства я никогда не могла бы получить, никто не вспомнит, где мы встретились?.. Нет, Петр Нилевич, — резко закончила она, — нет и нет. Будем вполне свободны, будем любить, если любится, будем дружить, если дружится — только без всяких обязательств и без всякой благодарности!.. Идет?

Она протянула ему руку. Он схватил руку, ощущая непреодолимую радость.

ГЛАВА ПЯТАЯ

СТРАННОЕ ПОВЕДЕНИЕ ИНТЕРЕСНОЙ РАБОТНИЦЫ

В конце недели баркас, служивший для пригородного сообщения, из-под уезв в город человек пять из тех, чья отпуска уже кончились, и доставил вечером партию вновь прибывших.

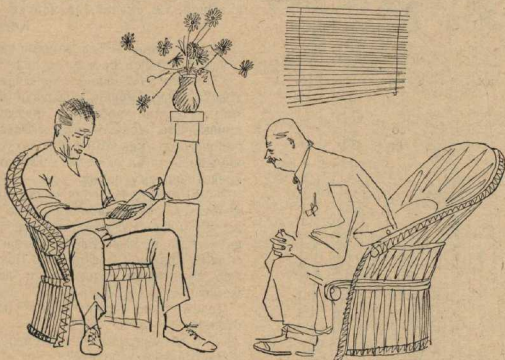
Петр Нилевич видел, как по тропинке, спускавшейся к берегу, поднимались один за другим гуськом шесть мужчин и две женщины. Они были перегружены багажом.

Петр Нилевич вспомнил о том, как и он поднимался по этой дорожке неделю назад. Он обернулся, улыбаясь, к своей новой знакомой и сказал. — Если бы знал я тогда, поднимаясь по этой же тропинке, что я найду здесь...

Она засмеялась, но не ответила.

Ее смех не был деланным, радость сверкала в ее глазах.

— Материалистическая сущность любви ясна и проста чрезвычайно, — говорил он над ее головой, — но очень сложны и неясны психические несурразности у влюбленных... Почему я обратился в какого-то легкомысленного мальчугана, который целуется в самом деле чуть не у всех на глазах?

Из анкеты... Петр Нилевич получил все интересовавшие его сведения

турного человека, — теперь я прямо скажу, что в нашей встрече, нашем знакомстве, нашей дружбе...

Он умолк. Несколько шагов они сделали молча. Тишина роши, где они шли, изредка прерывалась криками футболистов на площадке. По свежему вечернему холоду голоса доносились с необычайной ясностью. Петр Нилевич снова заговорил:

— Я рад, что вы понимаете меня. Вы выше мещанских сусальных добродетелей... И прекрасно! Моя осторожность в выборе людей помогла мне поставить ЮФФТ на первое место... У меня работают такие специалисты, как Сердюков, Новацкий, Блох! У меня такие художники, как Покровский, Верхонин! Мы подняли работу Сунского завода на уровень бывшего императорского... И у меня не было ни одного недоразумения ни с кем, — вот что значит быть осторожным в выборе людей...

того, что, как человек, имевший мало времени заботиться о себе, до сих пор я думал о вас, как и о девушке, которую я готов полюбить, если уже не полюбил...

Петр Нилевич замолчал, выговорив последнее и решительное слово. Девушка продолжала идти, не отвечая.

— Катя, вы хотите мне ответить что-нибудь?

Быстро обернувшись к нему, она ответила:

— Я не скрою, что я не отказалась бы от вашей любви... Ведь и мне, даже преобразовавшей себя в культурного человека, хочется ласки, мужской силы, нежности и покоя возле такого большого и сильного, как вы... Да, я могла бы вас полюбить, или, верней, я уже люблю вас...

Она сама поцеловала его.

— Но, — твердо продолжала она, — я не могу и не хочу уложить свою любовь в несколько вечеров лунных ванн.

— Не надо распускаться, — спокойнo заметила девушка, — следй за собой.

Он продолжал удивляться этой маленькой хорошей женщине, напоминавшей ему фарфоровую работницу Веронику, стоявшую у него в кабинете. Он поражаюсь ее неизменно спокойному, готовому к сопоставлению, крепкому житейскому закалу.

— Распускаться? — повторил он, думая и применяя к себе это неприятное представление, — мне странно это слышать о себе. До сих пор я считал себя за человека воли...

— Одно другого не исключает. Распускаться можно и по доброй воле...

Он снова задумался на несколько секунд, потом согласился.

— Да, верно... Но каким бы, однако, ужасом было для меня лишиться сейчас наших отношений!

— Нет нужды пугать себя, однако! — засмеялась она, — поговорим о чем-нибудь другом...

Он заметил, как вслед за новоприбывшими в контору прошел конторщик, привезший из города почту, и предложил:

— Почта пришла — хочешь, спустимся в контору?

Она отказалась.

— Опять вместе? Мы, я думаю, смертельно надоели всем своей неразлучностью. Сходи один.

— Кстати, мы взглянули бы на новеньких. Может быть, ты найдешь кого-нибудь из знакомых.

— Каких знакомых? Что ты выдумал? Откуда?

Неожиданная живость, похожая на испуг, проявившаяся в ней при этом, заставили Тележников рассмеяться. Он ответил:

— Заведующий говорил, что он ждет со следующей партией работников склада...

— Не может быть!

— Чего ты удивляешься?

Она растерянно взглянула на него и сказала:

— Чего я боюсь? Сплетен, разговоров, догадок и всей той грязи, в которой и ты можешь выкупаться.

— Пустое!..

Несколько секунд длилось молчание. Затем она попросила спокойно:

— Я посижу здесь, пока ты сходишь. Кстати, я жду писем от своих, жду очень важных для меня сообщений.

Когда он пошел, она добавила:

— Спроси заведующего, приехал ли кто-нибудь из наших, в самом деле, а?

Петр Нилович вернулся не скоро. После его ухода по скрипучим ступенькам на террасу поднялся молодой парень. Девушка взглянула на вошедшего, угадав в нем одного из новень-

ких. Он в свою очередь посмотрел на девушку в качалке, подойдя к ней довольно близко, и затем, оглядываясь вокруг, пожал плечами.

— Здесь никого больше нет?

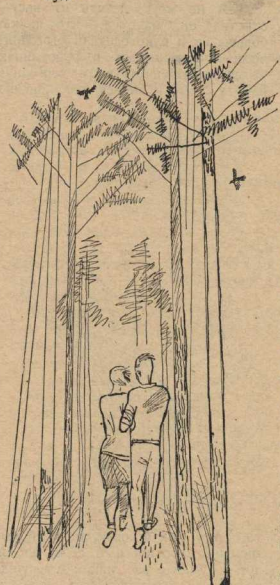
Девушка расхохоталась.

— Как видите, кроме меня, никого нет, — сказала она, — а вам кого нужно?

— Мне сказали, тут Ненюкова!

— Сейчас только вышла...

— Куда?

Несколько шагов они сделали молча

— Спать, кажется. У нее лихорадка. А что? Вы из города, да?

— Ну да, только что приехал, — подтвердил он и помахал конвертом, — я привез письмо ей. Там в конторе такой длинный сказал, что она как раз жлет письма.

— Давай, я ей отдам. Мы в одной комнате.

— Отдай, скажи, что Востряков привез...

Он отдал письмо. Девушка взяла его и астала, чтобы уйти.

— Ты, значит, тоже со склада?

— Ну да, мы вместе работаем.

— Наверно, она рада будет. Завтра увидитесь!

Петр Нилович вернулся на террасу через полчаса с газетами и письмом. Он ждал терпеливо несколько минут, потом развернул газету и, читая, оглядывался на дверь с некоторым беспокойством.

Горничная принесла записку. Тележников взял записку с недоумением, не понимая, от кого записка могла быть.

«Милый друг, я почувствовала себя нехорошо и предпочитаю сейчас лечь в постель. На меня очень скверно действовали полученные сейчас известия. Мне перedal письмо товарищ по работе на складе, только что приехавший. Не скучай, до завтра.

Катя».

Обеспокоенный Тележников забрал газеты и пошел бродить в сад.

Одиноко гулявший председатель треста был замечен заведующим домом. Полухин поспешил разыскать прибывшего только что складского рабочего и, как бы случайно столкнувшись в аллее с Тележниковым, представил ему парня.

— Вот, Петр Нилович, — сказал он, хвастаясь перед рабочим своею близостью к председателю треста, — новый гость к нам. Рабочий главного склада, товарищ Востряков... Показываю ему наши удобства и достижения...

Тележников, пожав руку парня, сказал:

— С главного склада?.. Вы вероятно Катю Ненюкову знаете?

— Кетти? — смеясь ответил тот, — как же не знать? В одном отделе работала два года. Я ей привез письмо.

Востряков, видимо, был парень развязный. В другой раз это достоинство едва ли расположило бы Тележникова к беседе, но в данный момент он был рад случаю говорить о девушке.

— Отчего «Кетти»? — смеясь спросил он, — что это за пристрастие к иностранным именам, а? Почему ее так зовут? Неужели за хорошие манеры, за чистоплотность, за умение одеться? Но, товарищ, — строго и наставительно прибавил он, — партия не раз указывала на то, что в чужеземных сапогах еще не кроется мешанство!

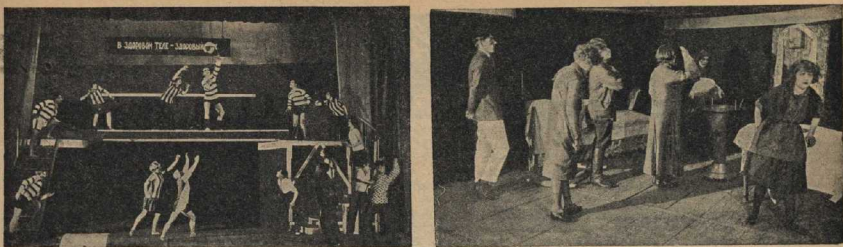
Следующие главы романа:

«КАЖДЫЙ ИДЕТ СВОЕЮ ДОРОГОЙ»

И

«ПО СЛЕДАМ ГАРРИ ПИЛЯ»

читайте в № 15 «СМЕНЫ»

«Плавятся дни». Сцена с мячом

«Плавятся дни». Хрестины

Т Р А М В М О С К В Е

В дни гастролей Ленинградского театра рабочей молодежи в Москве совершенно особенной была зритель в помещениях студии Станиславского, предоставленной гастронерам. Молодежь фабричных районов Москвы ежедневно собиралась сюда большими и дружными коллективами. На спектакли ТРАМ'а шли являлись и даже целыми предпринятиями. И это неудивительно — московская молодежь, идя на спектакли ТРАМ'а, шла смотреть и приветствовать «хитерских» застреленных в деле молодежного театрального искусства.

Группа ТРАМ'а далеко не обычна. Актеры этого «конституции-театра» намерены из металлов, резины, пластика, резинок, комбисконов, мыловаров, наборщиков, чернорабочих ленинградских фабрик, заводов и предприятий. Только вчера они сникли с производством, а многие из них и до сих пор стоят у станков, отдавая свой отдых привлекшему их искусству, проходя трудную школу переподготовки, пошла из рук заводов мастеров в руки режиссера. В общем ТРАМ, приехавший в Москву на несколько дней, выбрала из нее только через месяц.

При самом даже беглом сравнении молодежных по теме постановок профессиональных театров (а они на последних сезон стали модны) со спектаклями ТРАМ'а легко установить, какое различие, характеризующее ТРАМ, как особенный театральный коллектив.

В профессиональных театрах, когда они «играют» быт молодежи, особенно дают себя чувствовать следующие два важных дефекта:

Во-первых актерский ансамбль подражает и старательно копирует какую-то заданную ему действительность, осторожно выбирая из усвоенных им театральных приемов только те, которые дают возможность мало-мальски правдоподобно сплести характеры.

Поскольку это так — неизбежно достигаются только общие черты, только контуры, актеры оказываются беглыми и заинтересованы конкретными подробностями создаваемых ими образов.

Во-вторых, безличное одностороннее так называемых массовых сцен, где обычно действуют комсомольская группа, служанка, фомин для центральных героев пьесы. Беспохотливые, пошлые и отщепенные студенты в таких случаях бывают похожи на какие-то мифические колонии существ.

На этих больших моментах в молодежных постановках профессиональных театров и сводящихся к внешней и штампованной трактовке темы, где скандинавские выдуманные стороны ТРАМ'а.

Актеры ТРАМ'а, играя молодежи, не столько подражают кому-то, сколько выражают себя, в свои роли они вкладывают то конкретное значение, которое и повелевает молодых персонажей, которых делает создаваемые ими образы жизненными и правдивыми. Свои же коллективные сцены трампы выстраивают особым ритмом, полноту массовых композиций не только как усиление центрального действия, но и как демонстрацию театрального приема — мощи молодежи вообще. Поэтому в спектаклях ТРАМ'а много захватывающей зрелищности и зловорой подлинности.

«Плавятся дни» — последняя по времени постановка ТРАМ'а — характеризует не только то умение, которого ТРАМ в настоящее время достиг, но и общее направление его работ. Тема этого спектакля: борьба старой семьи и ее уклада с коллективистскими тенденциями комсомольской молодежи. Семья хочет оторвать женившегося парня от ее коллектива и посадить в «золотую клетку» домашнего благополучия, соблазнить его уютом. Семья крестит ребенка. Семья сеет в сознании комсомольцев сомнение в искренности ее мужа-комсомольца. Нарастает конфликт.

Где выход? Как быть? Отрыв от коллектива? Развод? Самоубийство?

И вот, опираясь на этот сюжетный узел и текст пьесы, ТРАМ начинает строить спектакль. Перед зрителем сплошным потоком проходят быстро сменяющиеся сцены. Приведем примеры того, как ТРАМ подает их.

Вот сцена радости молодых супругов о рождении у них сына — сценически она подается музыкально-ритмическим выражением. Перед зрителем почти балетный номер.

Спокойный, бытовой показ семьи — по мере нарастания конфликта — приобретает условное толкование. Это — гротеск, в котором расширяется дикий внутренний мир этой жизни под внешним ее благообразием.

Молодежный коллектив, в котором тщательно продумано каждое действующее лицо и его значение на сцене — находит свое театральное выражение через дисфункциональные номера, с допущением даже цирковых трюков.

Действие переключается из настоящего в прошлое и будущее. Эти сцены-проекции приближают спектакль ТРАМ'а к кино. Вообще, в ТРАМ'е отсутствует односторонний, не действующий от реального драматизма переключается к фантастике, а от фантастики переходит к комическим сценам-аттракционам. Непрерывно нарастающая напряженность действия, неясность предстоящей развязки делают «острый бытовое» материал пьесы захватывающим, как кино-приключение. В «Плавятся дни» много музыки, много сценических эффектов, биомеханики и трюков в актерской игре.

О Ленинградском ТРАМ'е, необходимо сказать, что он не только вырос, но он — только что вырос. Сделавшее вчера сам трамвай уже сегодня считают ученическим, слабым, каким-то первым опытом. Это хороший признак быстрого растущего и крепнущего организма. Но у Ленинградского ТРАМ'а есть и свои недостатки, одолеть которые ему предстоит.

1) Хорошо справляясь с молодыми ролями, трампы беспомощны в исполнении взрослых ролей. Нам кажется, что здесь трудность заключается не столько в усвоении техники (пужа и это), сколько в нащупывании точки зрения на «взрослые» персонажи.

2) Даже лучшая постановка ТРАМ'а «Плавятся дни» — разлагается очень неровно. От сдвинутости и ритмичности они временами срываются на мучающую зрителя любительщину. 3) Разнообразие приемов, которыми применяет в своей работе Ленинградский ТРАМ, не всегда бывает стилистически оправдано. Совершенно правильно прибегая к молодежному зрелищу к музыке, биомеханике, титано-пальцам и пр., режиссер ТРАМ'а иногда сбивается на безвкусицу и дешевые феерии и пантомимы.

Бор. ЛУНИН

«Плавятся дни». Обяснения Петьки и Маруси (артисты Овелева Н. и Иванова, Н.)

«Плавятся дни». Счастливые родители — Васяша и Нина (артисты Засорин и Потехина)

Вечный проклятый вопрос

В № 9 нашего журнала было напечатано письмо студента Миронова под заголовком «Вечный, проклятый вопрос». В этом письме Миронов ставил вопрос о несоместности в наших условиях личной семейной и общественной жизни.

В № 12 журнала редакция поставила письмо Миронова на обсуждение читателей. Продолжаем печатать наиболее интересные отзывы читателей.

БЫТ И САМОИРИТИКА

НТО НОГО?

В № 9 «Смены» было помещено письмо студента Миронова, озаглавленное «Вечный, проклятый вопрос». Заглавие строгое и даже, я бы сказал, неуклюжее. При чем тут термин «проклятый»? Мы далеки от суеверий. Не проклятый вопрос и не неразрешимый, а просто мы к нему относимся несерьезно, непродуманно. Мне кажется, что, прежде чем говорить о семейной жизни, браке, мы должны приглядеться к холодным парням и незамужним девушкам, как они глядят на семейную жизнь.

Приходится констатировать, что на это серьезное дело молодежи глядит: парень — лишь бы женщина, — а девушка — лишь бы замуж. Отсюда вытекает масса затруднений, которые всплывают, когда дело уже сделано, когда парень и девушка сошлись, совершенно не задумываясь над будущим.

В отношении же семейной жизни я хочу выдвинуть одно, как мне кажется, основное положение. Нам нужно убедиться еще на практике в том, что семейный труд нужно разделить пополам. Над этим нужно подумать серьезно.

Ложный страх, боязнь показаться мещанином, а чаще — просто лень и распушенность очень влияют на ребят в их беспечном эксплуатировании женщин. Все примеры говорят о том, что очень немногие усвоили эту простую истину. Отсюда и вывод Миронова, что для семейной жизни нужны «квартирники». Мне думается, что не в «квартирниках» дело, а в человеческих, товарищеских отношениях к жене. Комната, какая она ни была, требует ухода; мужчины привыкли в этом эксплуатировать женщину: бесплатно — жену, или же за деньги — прислугу. И редкий из нас, учитывая, что эта обязанность уборки закабалит женщину, решится взяться за уборку сам.

«В одной комнате не могут жить муж и жена», — пишет автор «Вечного, проклятого вопроса». Немного коряво, тов. Миронов, вы это говорите, и примыры ваши неудачны. Муж или жена храпят — да это же чудачество, если из-за такого пустяка разводиться. Если даже представить себе гораздо более тяжелые обстоятельства семейной жизни: вы, плуч, а в человеческих, товарищеских отношениях к жене. Комната, какая она ни была, требует ухода; мужчины привыкли в этом эксплуатировать женщину: бесплатно — жену, или же за деньги — прислугу. И редкий из нас, учитывая, что эта обязанность уборки закабалит женщину, решится взяться за уборку сам.

Второй пример, который приводит Миронов: муж не смог накормить ребенка во время отсутствия жены — как раз говорит о том, что мужья привыкли себя чувствовать «господами» и совершенно беспомощны в таком, казалось бы, немещанском деле, как не дать умереть собственному ребенку.

Больше, товарищи, самокритики, особенно в отношении нас, парней, в деле строительства быта!

Г. Алафеев (Донбасс)

Я хотел бы высказаться и поделиться своим мнением по письму Миронова. Миронов пишет, что сходиться надо по любви, а расходиться не нужно совсем, но это требование, по его мнению, могут выполнять лишь те, кто окружен комфортом. Мне кажется, что это неправда. Тов. Миронов увидел семейную жизнь только через форточку общности; в общественной же вообще часто висит нездоровая атмосфера. Но и попытками шире раскрыть окно в жизнь, Миронов заметил только картину завращения жизни супругов и семьи. Кто живет по любви? — Никто! Да сомнительно верить в эту любовь. В молодые годы увлечение путают с любовью. Что значит любовь? Это прежде всего — привязанность друг к другу и уважение друг друга. Все же остальные доводы: красота и прочее — миражи, которые рутятся при всяких удобствах и высокой обеспеченности.

Часто говорят: «Если есть одно мясо круглый год — то на него смотреть не станешь». Такое грубое сравнение брачной жизни коренится в нашей распушенности. Поэтому мироновский «Вечный вопрос» сводится не к комнатным и другим затруднениям, а к нашим взглядам на брак до вступления в него.

У нас привычки так: жениться и использовать жену только как самку, а когда прошел пыл — прошла и любовь. Тогда начинаются ссоры и разводы.

Девушка, идя замуж, не знает, какая ее ждет судьба. Чаще хорошо живут только «медовый месяц», а дальше женщину ожидает длительное поощение к мужу. Если девушка — общественный работник, то, выйдя замуж, она отрывается и привязывается к клиенту, примусу и чутуну. Много ли сознательных партийцев волевики своих жен в общественную работу? Нет, таких очень мало. Муж идет в театр — жена стирает пеленки. Почему такое унижение? Разве пеленки — не общее достояние семейного очага? Об этом даже самые сознательные из нас редко задумываются.

Миронов приводит любопытный пример: муж коммунист, а жена беспартийная; она упоминает мужа семейными работами. Возникает вопрос: кто кого в данном случае зарыл мещанством — жена мужа или наоборот? Этот товарищ — участник гражданской войны, имеющий хороший заработок по службе.

Не сам ли он до вступления в брак зарыл свою будущую жену мещанством? Не сам ли он напевал ей о благах, обеща «весь мир» — т.е. диваны, курорты и пр.? Многие так растягивают для того только, чтобы на время приобрести женщину как вещь, а после, когда она надоест, покинуть ее.

Вакуленко (Москва)

НУНЕН ЛИ НАМ ДОМОСТРОЙ?

Факты, которые я привожу ниже, говорят о том, что ребята расходятся с девушками и девушки с ребятами не из-за бытовых условий совместной жизни, а из-за... Впрочем, я предлагаю читателям самим подыскать подходящее определение.

1. Оба они комсомольцы, оба на активной комсомольской работе; он зарабатывает 70 руб., она — 130 руб. Ее интересует круг знакомых администраторов того учреждения, где она работает, его — заводские ребята, товарищи по производству. Когда они сходились, любили друг друга, а потом, живя в одной комнате, быстро охладели друг к другу. Началось с пустяков: зачем ты прочел письмо, адресованное не тебе? почему ты поздно пришел домой? я не привыкла кому-либо давать отчеты и пр. и т. д. Когда парень стал убеждать свою подругу, на него посыпались упреки:

— Твое мнение для меня не авторитет; мне с тобой скучно, мы надоели друг другу, давай расстаться...

Парень, не понимая такой точки зрения у комсомолки, доказывает неверность ее утверждений. Она же продолжает настаивать:

— Ты не сумел меня взять в руки сразу, не заставил меня убаюкать и бояться тебя, теперь уже поздно (прошло три-четыре месяца).

Оба изводили друг друга, затем после длительных скандалов разошлись... Через пару месяцев она, комсомолка, сходится с другим парнем, сумевшим взять ее в руки и поглотить по своему желанию.

2. Она — комсомолка, он — партиец, ее очень любит, всегда во всем ей уступает, делает все посылное, чтобы облегчить совместную жизнь в одной комнате; оба работают на одном заводе, он помогает ей в работе. Через год совместной жизни она вдруг заявляет: «Надоел он мне, никогда не противоречит, все делает по-моему, нет своего мнения, трипка парень, я его не боюсь...»

3. Она молодая партийка, любит одного парня-комсомольца, члена партии... Во время случайной ссоры, когда он по ведомственным делам уезжает из города, она улетается другим парнем, сходится с ним, беременеет, чувствует в то же время, что она любит первого парня, что второй не нужен ей. Будучи материально обеспеченной — зарабатывала 150 руб. в месяц, — она на 7-м месяце беременности решается на аборт, достает удостоверение от врача, что больна острой формой неврастении и еще тысячами других болезней и делает искусственные роды. Сейчас она снова живет с первым парнем...

После перед редакцией эти три факта, мне хочется сказать, что среди нашей молодежи крайне много разводов из-за такого взаимного непонимания, а не по тем мотивам, которые приводил в своем письме тов. Миронов.

От знакомых людей хочется услышать ответ, какие нужны взаимоотношения в семье, в новой семье, где оба — коммунисты, где оба вначале не были заражены взаимным непониманием и раздражением. Правы ли комсомолка или комсомолец, презрительно относящиеся к мужу или жене, не хотевшим властвовать в семье?

Шпилевой (Саблюно, Окт. ж. д.)

Виноват ли Сухов?

По существу выдвинутого тов. Мироновым вопроса хочу сказать вот что. Сам вопрос не настолько вечен, как характеризует его тов. Миронов. Было время, когда вокруг него не было шума, также настает и то время, когда культурная революция уводит этот вопрос от всех этих вопросов жизни и о нем забывают.

Может быть, забегая вперед и опережая слухи знающих и авторитетных, я хочу рассказать Миронову, как его «прокайлит» вопрос ставится и разрешается в низах. Когда в нашем коллективе (краснофлотцев Амурской флотилии) возникла аналогичный мировому вопросу, то вот как на него отвечали.

Правда, мнения и у нас разноречивы. Те, кто на самом деле видел жизнь, кто с 12 лет ходил за сохой и работал физически — в своих высказываниях основную основу человеческой жизни видели в производственных отношениях. Те же, кто не знает хорошо жизни масс, же, сначала увидев, а потом слушая в кафе — выслушавши вперед и в основу всего половые отношения. Но основное ядро наших ребят дает следующий ответ: труд и производственные отношения между людьми — основное, взаимоотношения полов — производное.

Да и в самом деле, возьмем для примера 16-летнего крестьянского парня: он еще не вполне созрел для половых общения, ему еще даже чужды мысли о женщине. Но в хозяйстве нет работников, и родители хотят его женить, чтобы не подвергнуть упадку хозяйство. О какой-то идеальной любви здесь не может быть и речи. Народная пословица «стерпится — слюбится» бывает в данном случае до некоторой степени верна. Значит в центре всего производственных отношений, а не половых проблема.

А тов. Миронов до того раздул вопрос, что хоть новую оппозицию создавай. «Не можем мы, мол, построить социализм в стране, так как Тамыша не дубят Ваньку, потому что он хранит».

Миронов в своей статье, правда, не совсем открыто, но примтно заостряет внимание на материальном положении, претендую на жизнь в хороших квартирах и на большой яваработ. Несмотря на все оговорки, несмотря на хорошую маскировку фразами об общем устройстве жизни, это очень чувствительно.

Думается, лучше было прямо сказать, что жизнь еще сопряжена с известными трудностями, вследствие нашей бедности, и тогда ответ на «прокайлит» вопрос был бы ясен.

А ответ, мне кажется, должен быть таков: только коллектив выведет нас из тупика и создаст условия полной увязки личной жизни с общественной.

На это могут некоторые возражать: а как же жить теперь, пока не создан этот мощный коллектив? Комсомолец и коммунист должны жить мыслью и работой по созданию этого коллектива. Живя такой жизнью, можно сойтись с женщиной и не за фальшивую косу или голубые глаза, а за ту поощре, какую оказывает в трудовом процессе женщина мужчине, беря пример с того же крестьянского парня-парня, выбирающего себе невесту не столько обращая внимание на красоту девушки, сколько на ее смекалку и умение работать. На этом, по-моему, и должны сходиться люди и в половом отношении, и этим будет обеспечиваться их крепкая связь.

А. Тимофеевский (Хабаровск).

К комсомолу Сухову пришел его земляк, привезший Сухову весть о смерти его матери, которая наказала передать сыну на память крест. Сухов любил мать, известие о ее смерти его расстроило; в минуту скорби он принял подарок матери за плату. Между Суховым и комсомольцами вспыхивает спор. Вершок упрямств Сухова, требует немедленно выобрать крест, иначе он считает необходимым поставить вопрос об исключении Сухова из комсомола. Сухов упрямится.

Как должен поступить Сухов и как надо было обойтись с Суховым? — эти вопросы ставит Скориков в рассказе «Право на сентиментальность» (см. «Смена» № 9). Продолжаем печатать наиболее интересные отзывы читателей.

ДИСКУССИЯ НА ПРОГУЛКЕ

В первое солнечное воскресенье нашего холодного лета комсомольская ячейка НКТ УССР провела коллективную прогулку молодежи.

Мы всей ячейкой поехали в гости к нашим комсомольцам, живущим под городами на даче.

Вырвавшись из душного города, ребята моментально организовали игры, хор, а часть отправилась купаться.

Но вот после обеда, пригласившего наших «хозяек» (к всеобщему удивлению, очень вкусно), ребята немного утомившись и, собравшись в кружок, решили почитать. По предложению одной комсомолки выбрали рассказ «Право на сентиментальность» из последнего номера «Смены». Вначале это предложение было встречено не совсем дружелюбно:

— Уж если и читать, то лучше Зоженку или Остапа Вишню — там по крайней мере хоть пошлется можно.

Но по мере чтения, начал пробуждать интерес.

Нашлись желающие высказаться. Вначале «спринг» велся в одном направлении:

— Сухов поступил верно. Ведь он сам в бога не верит, а поэтому крест для него является не символом религии, а просто-напросто вещью, с которой тесно связана память о горячо любимой матери. Бросив крест, Сухов тем самым оскорбил бы память матери.

Но далеко не все согласны с такой точкой зрения.

«Спринг» развертывался широко. вновь объявленные оппозиционеры доказывают, что Сухов не имел права брать этот крест. Ведь он же не радовой комсомолец, а активист, да к тому же и руководитель кружка безбожников. Он ведь решительно борьбу с предрассудками, а тут, беря и храня крест, подры-

вает свой авторитет, а вместе с этим и авторитет комсомола. Если Сухов действительно так сильно любил свою мать, то память о ней останется и без креста.

А что должен был бы сделать Сухов, если бы его мать подарила ему икону или трехцветный флаг?

Ведь и здесь можно рассуждать так, что это только дерево и кусок материи. Правда, на это «защитники сентиментальности» отвечали, что и икону хранили бы, а вот на трехцветном знамени сплелись и не нашли ничего лучшего, как заявить, что это демагогия.

Но «оппозиционеры» не унимались:

— Какая же это демагогия! Ведь религиозность в наше время является несомненной, а порой даже и сознательной контрреволюционностью; как крест, так и трехцветное знамя являются эмблемами рабства.

Какое же право имел Сухов, как комсомолец, хранить крест — символ того, против чего он боролся сам и призвал других?

Видя, что наш спор ни к чему не приведет, решили проголосовать и выявить коллективное мнение.

И вот результаты.

В обсуждении рассказа принимало участие 17 человек; из них 4 голосовало за принятие креста, 5 чел. за то, чтобы крест сначала принять, а потом выобрать, и 8 чел. за то, чтобы крест сохранить.

Но и голосование не смогло примирить «сражающихся» сторон, и еще долго ребята продолжали спорить.

Сейчас мы ждем, чтобы редакция в свою очередь высказала свое мнение и тем самым хоть частично разрешила наши разногласия.

Катя П. (Харьков)

КРИТЕРИЙ ДЛЯ СЕНТИМЕНТОВ

В рассказе «Право на сентиментальность» заметно, что автор на стороне Сухова. За Сухова же стоят и читатели в первых откликах, помещенных в № 12 «Смены». Так, тов. М. Гришин в своем письме заявляет, что Сухов «в этом случае имеет право на сентиментальность, и укорить его напрасно». Но и он, как и Тамарин (одни из героев рассказа), тогда же спохватывается и спешит добавить: «Но ни под каким предлогом он не должен был брать креста». Такое утверждение мне кажется противоречивым.

По-моему, на сентиментальность из нас каждый имеет право лишь тогда, когда это не вредит общественному делу, в данном случае, в истории с Суховым, —

делу борьбы с религиозными предрассудками. Ведь если комсомолец и партия говорят о самопожертвовании в борьбе за революцию (в наше время — за культурную революцию), то только с этой точки зрения комсомолец должен подходить к любому затруднительному вопросу, который встречается в его жизни, к любому чувству, охватывающему его. Только такой критерий единственно правильный. А грубость Вершка и пр. — все это второстепенные явления, с которыми нужно бороться другим способом, но не упрямством и большими переживаниями, к чему в сущности и скатился Сухов.

Рабочий А. Конов (Тулск. губ.)

В ПОИСКАХ АТЛАНТИДЫ

Очерк С. ШАМБИНАГО

Песчаное море Эль-Эрг на южной границе Алжира

Рассказ Платона

Первые сведения об исчезнувшей земле идут из сочинения древнегреческого мудреца Платона «Тимей». В нем передан рассказ греческого государственного деятеля Солона со слов одного египетского жреца. И рассказ этот столь интересен, что, как говорит автор, если бы Солон занимался поэзией, его обработка стала бы знаменитее поэм Гомера.

Горные проходы через Большой Атлас

ПЕРЕДАННЫЙ глубокой древностью рассказ об исчезнувшей Атлантиде теперь уже не считается сказкой. Европейская наука в настоящее время живо интересуется вопросом о ее местонахождении. Могущественная, богатая, высоко цивилизованная страна, по дошедшим преданиям, поражала современников. Восстановить ее историю — значит найти следы культуры, хотя исчезнувшей, но оказавшей огромное влияние на культуру земного шара. И следы эти очевидны. Новейшие археологические раскопки в разных частях Европы, Африки и Америки поражают необыкновенной оригинальностью находок. Оказываются, что древнейшие обитатели Франции — баски, Италия — этруски, Канарских островов — гуанчи, Мексики — толтеки, полуострова Юкатана — майя, обитатели Перу обладали некогда высокой материальной культурой. Современный немецкий путешественник Лео Фробенюс, исследовавший западное побережье Африки от устья Сенегала до устья Нигера, нашел там удивительные изделия из бронзы, статуи, сооружения. Все они сокрыты джунглями, лесом так же, как и чудесные дворцы Юкатана. Богатое и сказочное прошлое этого африканского берега побудило Фробенюса даже назвать его Атлантидой и считать если не центром ее, то во всяком случае ее колонией.

«Море Атлантов», повествуется в «Тимее», было судоходно, потому что перед его устьем, называемым греками Столбами Геркулеса, находился остров больше Ливии и Азии (Малой), взятых вместе. От него для мореходов открывался доступ к другим островам, а от них к противоположной материке. В рассказе пояснено: «настоящее», значит, внешнее море, по ту сторону устья, и по сю — море Атлантов представлялось бухтой. На этом острове Атлантиды сложилась великая и могучая держава, власть которой простиралась на окружающие острова, на Ливию до Египта и на Европу до Тиррении. Атлантида собиралась покорить и Грецию, но та отстояла свободу. Неожиданно в один день и бедственную ночь весь остров исчез, погрузившись в море. Последнее стало там несудоходным: плавание препятствует непроходимый ил, местами отвердевший, который оставил по себе катастрофически пологий остров. В другом сочинении «Критий» Платон дал подробное описание внутреннего состояния страны.

Многое в этих повествованиях, конечно, легендарно. Поэтому для многих они и казались вымыслом, придуманным Платоном для изображения идеального государства. Однако, подробности часто бывали настолько реальны, что за чистую сказку их принять не представлялось возможным. Главное же — поражали вы-

шеуказанные остатки культуры, откопанные в местах, находившихся по Платону в круге воздействия Атлантиды. Влияние погрузившегося в океанскую пучину острова сказалось на таких отдаленных странах, что до сих пор ставятся перед наукой неразрешимые задачи. К ним принадлежит загадочное сходство материальных культур Центральной Америки и Египта.

Поиски исчезнувшей страны

Немудрено поэтому, что на протяжении многих столетий пылтивный ум человечества пытался определить местонахождение Атлантиды. Искали ее чуть не во всех частях света, называли Кавказ, Палестину, Цейлон, Указание Платона на Столбы Геркулеса, шие Гибралтар, приковывало внимание всего дома держав к предположению, что остатки потонувшего большого острова могли быть остров Мадейра и архипелаги Канарских и Азорских островов. Особенно убеждали своеобразная флора и фауна Канарских островов и оригинальность их жителей — гуанчей.

Однако и это предположение должно было уступить место ряду других. В 1905—1911 годах раскопки, произведенные немецким ученым Шульцеком в юго-западной Испании, выдвинули новую гипотезу. Столицу Атлантиды стали указывать в устье реки Гвадалквивира, где в древности находился город по-гречески Тартес, по-библии — Таршиш. Последняя называется его прекрасным чудо-городом. Его нахождение неподалеку от Столбов Геркулеса, пышный торговый расцвет в свое время, топографические подробности, богатство металлами соседней цепи гор — Сьерры-Морены, казались для защитников этого мнения, вполне совпадающими с показаниями Платона.

Догадка Борхардта

Гораздо оригинальнее подошел к задаче Борхардт, запечатливший свою работу в конце 1927 года. Исследуя караванные пути Ливийской пустыни, он обратил внимание на огромную и оригинальную страну Ат-тала, находившуюся между большими соляными озерами, лежащими к западу от залива Гадеса (Малый Сирт) на северном побережье Африки и массивом Гоггара (или Ахалгара) в центральной Сахары. В древности она звалась Такане. За-

Карта Северной Африки. В северо-восточном районе Борхардт предполагает местонахождение исчезнувшей Атлантиды

падную границу этой страны образует долина (вади) реки Игаргара. Теперь река почти исчезла и течет под землей. Истоки ее находятся в горной стране Ахаггар на высоте двух километров. К ней ведет много притоков, исчезающих в песках. У теперешнего города Туттурта она соединится с Вади-Мия, такой же почти безводной рекою. Соединившись, они впадают в одну из цепей северных соляных озер (Шотт Мельрир). Предания говорят, что еще не очень давно обе реки были многоводными и годными для плаванья. В Туттурте нашли весьма древней формы деревянный корабль. Видно, что система рек была очень важной водной артерией.

Всего интереснее северная часть страны, лежащей у подножья Большого Атласа, крупнейшей горной цепи Северной Африки. Среди многочисленных потоков этой части надо отметить Вади-Джеди, огибающую подношью Атласа с запада на восток и образующую большую заливно-образную страну. Она впадает в Шотт-Мельрир. Шотт-Мельрир, бывший когда-то огромным соляным озером, ныне разделен на множество отдельных озер, наполненных не столько водою, сколько солено-песчаной смесью, образующей тонкую грязь. Они собственно и называются «шоттами». Вся цепь озер — ниже уровня Средиземного моря, от которого на берегу Малого Сирта отделяется песчаной перемычкой.

Кругом шоттов очень плодородная страна со множеством источников, которые чем глубже, тем преснее. Нетрудно видеть, что вся низина шоттов в очень недавнее геологическое время была морским заливом. Какая-то катастрофа отделила его от Средиземного моря, и залив был обречен на усыхание.

Шоттель Гамейя (соленое озеро источника) речной долиной Вадиель Мелрир (соляная река) соединяется с морем. На шотте лежит теперь трудно достигаемый остров, на котором живут тени Гам-мама — Сыновья Телного Источника. По-берберски это название будет звучать «Ат-таза». Поэтому в Шоттель Гамейя и в его ближайшем соседе Шотте Джерисл Борхардт устривает платоновское «море Атлантов — Ат-таво». Оно как раз находится «по сю сторону» Столбов Геркулеса и похоже на бухту. Катастрофа (повидимому, землетрясение) отделила ее от моря, и она стала непроходимой топейю.

В дальнейшем Борхардт приводит много наблюдений, совпадающих с повествованием Платона.

Главный город Атлантиды, по Платону, лежал не у самого моря, а на расстоянии 50 стадий (стадия—около 184 метров). На том же расстоянии находится теперь Шотт Джерид, где помещается остров—предполагаемый Борхардтом остаток древней столицы. На нем быт и поныне два ключа — холодный и теплый, о которых рассказывал Солону египетский жрец. Подверженная землетрясениям страна в момент катастрофы могла выдвинуть у залива Малый Сирт перемычку, отрезавшую внутреннее море и превращавшую ее в ряд ныне непроходимых шоттов. Горы, окружающие их, до сих пор богаты рудами благородных металлов, которыми и стоил славиться Атлантида. Богатая и цветущая подобно нынешней северной части Туттурта, она, как сказано, впадала в Африку до Египта и Европой до Тиррении (или Этрурии).

На раскопках в Туттурте очень настаивает Борхардт, глубоко убежденный, что они дадут поразительные находки.

ИГРЫ МОЛОДЕЖИ

Под редакцией Л. БАРХАША

УГАДАЙ ВРЕМЯ

Проводить эту игру лучше всего за городом на прогулке или экскурсии. Предпочтение следует отдать местностям, покрытой кустарником, лесом, по возможности удаленной от жилья.

Инвентарь для игры заключается в контрольной карточке, служащей для учета успешности играющих, и часах с

циия осуществляется проставлением точки на карточке на линии «старт».

3) Когда все участники зарегистрировали свои номера, судья дает сигнал: «на 3 минуты (1 мин., 5 мин. 10 мин., 15 мин.) расходись!» Все должны разойтись в разные стороны. Ити они должны, не останавливаясь, до любой точки, которую они считают за полсоту. Затем они возвращаются обратно, стараясь быть у судьи точно через 3 минуты. Останавливаться в пути они не имеют права. Придя по своему расчету, через 3 минуты, каждый участник должен немедленно сдать свой контрольный номер судье.

4) Судья, получив контрольный номер, отмечает на карточке крестом по линии соответствующий номер.

5) Место фиксирования судья на «финише» показывает, на сколько очков ошибся каждый участник.

6) Выигрывает в этой игре игрок, набравший меньшее количество очков.

Счет в игре

1) Пришедший точно в 3 минуты получает «ноль» очков. Следующий, сделавший ошибку в 30 секунд, получает 2 очка. В дальнейшем все следующие ошибки по 2 минут в обе стороны получают по два штрафных очка за каждые 30 секунд.

2) Сделавшие ошибку больше чем на 2 мин. в обе стороны получают по 3 штрафных очка за каждые 30 сек.

3) Считаются только ошибки по 30 секунд. Если ошибка меньше 30 секунд, она не считается. Если больше 30 секунд, она считается за две ошибки.

Играющие не должны иметь часов или смотреть на них.

Интересно проводить эту игру не только днем, но и ночью. Это особенно полезно, как элемент военизирующей.

секундной стрелкой. Кроме того, нужно иметь порядковые номера, написанные на бумаге или кусочках картона по числу игроков.

Правила игры

- 1) Все участники разыгрывают между собой контрольные порядковые номера.
- 2) Каждый получающий номер должен зарегистрировать его у судьи. Регистра-

ЭСТАФЕТЫ С МЯЧОМ

Принимать участие может неограниченное количество игроков, разбитых на партии. Проводить эту игру лучше всего за городом на прогулке или экскурсии. Инвентарь для игры заключается в резиновых мячах по числу партий. Лучше всего использовать баскетбольный или футбольный мяч.

В игре должно принимать участие не менее двух партий. Все участвующие должны сдать друг другу в затылок (см.

рисунк) и стараться передать по рукам мяч как можно скорее. Последний, получивший мяч в руки, должен доставить мяч в какое-нибудь заранее обусловленное место. Выигрывает команда, первая доставившая мяч по назначению.

Кроме показанного варианта передачи мяча над головой, можно устроить передачу и с правого боча и с левого. Можно передавать мяч под ногами и т. п.

Однако, самым интересным видом эстафеты с мячом является комбинирование всех этих способов.

Для этого мяч в первом этапе должен пройти между ногами всей шеренги. Затем мяч передается с правого боча от стоящего сзади к переднему. Передний начинает третий этап — передает мяч над головой (см. рисунок). Последний, получив мяч, передает его с левого боча. Когда мяч дойдет опять к первому, он ставит его на землю и ногой отдает стоящему сзади следующему участнику. Тот в свою очередь делает то же самое. Когда мяч дойдет до последнего игрока в эстафете, он берет его в руки и бежит к условленному месту.

Комбинированная эстафета особенно интересна и весела потому, что игроки влопах забывают, как нужно было передавать мяч, и стараются наверстать потерянное время.

Составил С. Глязев

